

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

САБИН МЕЛЬХИОР – БОННЕ

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЛЮБВИ

ИСТОРИЯ РАССТАВАНИЙ

Сабин Мельхиор-Бонне

**Оборотная сторона любви.
История расставаний**

«НЛО»

Мельхиор-Бонне С.

Оборотная сторона любви. История расставаний / С. Мельхиор-Бонне — «НЛО»,

От средневековой трагической невозможности совместить честь и страсть до современной идеи свободных отношений: книга Сабин Мельхиор-Бонне посвящена эволюции представлений о любви и расставании. Автор прослеживает ее на примере личных историй знаменитых людей: среди героев этой книги – Абеляр и Элоиза, Наполеон и Жозефина, Пушкин и Гончарова, Аристотель Онассис и Мария Каллас, принц Чарльз и принцесса Диана... Их письма и дневники хранят свидетельства о любви и изменах, ссорах и разочарованиях, в которых находят отражение идеалы и ценности разных эпох, а сам разрыв отношений становится точкой, в которой сходятся в трагическом конфликте долг и чувство, свобода и табу, интимное и социальное. Анализируя эти документы, автор демонстрирует, как с XII века по настоящее время менялись представления о репутации, чести, счастье, самореализации и свободе. Сабин Мельхиор-Бонне – историк, специалист по истории эмоций. Работала в Коллеж де Франс, автор книги «История зеркала», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение».

© Мельхиор-Бонне С.

© НЛО

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО БЕСПОРЯДКА К СУМАТОХЕ ЧУВСТВ	5
Часть первая. Разрыв отношений: дело чести	10
ЭЛОИЗА И АБЕЛЯР	18
ГЕНРИХ VIII И ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ	28
ФРАНСУАЗА ДЕ РОГАН И ЖАК ДЕ НЕМУР	37
Часть вторая. Дух галантности	46
ГЕРЦОГ ДЕ ЛАРОШФУКО И ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОНГВИЛЬ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сабин Мельхиор-Бонне

Оборотная сторона любви.

История расставаний

ВВЕДЕНИЕ. ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО БЕСПОРЯДКА К СУМАТОХЕ ЧУВСТВ

В любви пленительно лишь ее начало. Неудивительно, что многие находят удовольствие в том, чтобы начинать вновь и вновь.

Принц де Линь

Прелесть новизны постепенно спадала, точно одежда, обнажая вечное однообразие страсти, у которой всегда одни и те же формы и один и тот же язык¹.

Гюстав Флобер. Госпожа Бовари

Казалось бы, о любви сказано уже всё. Но всё ли? Тема любовных побед исчерпывающим образом представлена в литературе и истории, в то время как разрыв отношений почти не привлекал внимания историков и не был предметом их изучения. Тем не менее страсть, ссоры, огорчения имеют свою историю, ведь, подчиняясь культурным кодам, они представляют собой различные, весьма изменчивые и труднодостижимые, ускользающие формы чувствительности.

От века к веку место любви в иерархии ценностей меняется, как и слова для ее описания, и о том, как следует любить и почему любовь кончается, мы узнаем из романов и стихов. Так, переведенный с испанского «Амадис Галльский» был для Франции XVI века настольной книгой об искусстве любви: героическая любовь побеждает ссоры и расставания. Веком позже не меньшим успехом пользуются слезоточивые «Португальские письма»: обманутая любовь способна поколебать веру в ее цивилизаторскую роль и обещанное счастье. Сегодняшнее прославление беззаботного секса и сменяющих друг друга мимолетных отношений, похоже, освобождает любовь и ее окончание от налета трагизма, оставляя при этом горечь воспоминаний.

Разрыв любовных отношений – это почти всегда дело принудительное. Внезапный или постепенный, но, как правило, односторонний, он чаще всего представляет собой утрату доверия или призрачного взаимопонимания, оказывается столкновением чувств и интересов. В наши дни разрыву отношений не могут помешать ни юридические акты, ни общественное мнение: во Франции каждый второй брак оканчивается разводом. Неужели ставшее банальностью расставание перестало быть драмой? Расставание некогда любивших друг друга людей нередко сопровождается личностным или экзистенциальным кризисом, сопоставимым, по мнению психологов, с первым разлучением матери и ребенка: по словам психоаналитика Юлии Кристевой, любовь очаровывает, потому что она дает «космическое чувство удовлетворенного нарциссизма»; ничто не приносит большую боль, чем разрыв с любимым человеком. Произошел ли он по взаимному согласию или нет, крах отношений и уход партнера в буквальном смысле разрушают покинутого, социально и психологически.

На протяжении веков инициатива в разрыве отношений принадлежала мужчине. Нормы старого порядка и Гражданский кодекс 1804 года (кодекс Наполеона) предписывали замужней женщине послушание: мужчине позволялось искать любовь на стороне, тогда как жен-

¹ Пер. Н. Любимова. – Примеч. пер.; далее примечания о переводчиках даются без особых пометок.

скую неверность следовало наказывать. Несмотря на первые завоевания феминисток конца XIX века, несмотря на упразднение различных дискриминирующих юридических положений, касающихся супружеской неверности, несмотря на обретенное в XX веке равноправие мужчин и женщин, разговоры о делах сердечных редко бывают беспристрастными. Равенство полов не оспаривается, но остается неполным: мужчины не зависят от биологических часов, тогда как женщины вынуждены быть соблазнительными и оставаться желанными, чтобы их свободы признали на деле. Мужчины могут быть предприимчивыми и заявлять о себе, женщинам же надлежит хранить верность скитающемуся по свету Одиссею, который, может быть, возвратится на Итаку, а может быть – нет. Цели и задачи у мужчин и женщин тоже разные. Если для мужчины разрыв отношений означает всего лишь смену курса, то для женщины любовь – это самореализация, выражающаяся в возможности завести детей. Угроза конца любви вошла в плоть и кровь женщин, они чувствуют свою уязвимость: разрыв отношений для них зачастую означает крах всей жизни; будучи брошенными, они опасаются, что не смогут вновь полюбить и быть любимыми.

Попытки включить эволюцию разрывов любовных отношений в историческое поле наталкиваются на множество препятствий. Как подступиться к эмоциям прошлого? Иррациональный взрыв любви, желаний, страстей – вещь настолько интимная, что не вписывается в хроники истории, не становится предметом изучения историков. Удастся ли любовной страсти не подчиняться социальным нормам? Находится ли она вне исторического поля? Надо признать, что нормы, регулирующие жизнь в обществе, сумасшедшей любви предпочитают дружеский договор, основанный на стабильном совпадении интересов. Поэтому, желая подступиться к эмоциональным отношениям, мы воспользовались частными микроисториями, обратили внимание на историю чувств отдельно взятых людей. Пары, представленные на страницах этой книги, были выбраны потому, что они оставили правдивые свидетельства своей любви, письма и личные дневники, отметив таким образом институциональные или культурные изменения истории. Несмотря на то что репрезентативность выборки ограничена принадлежностью этих пар к привилегированным кругам общества, мы имеем возможность пересмотреть мифы и пролить свет на один из главных страхов нашего времени, а именно – на крах любви.

Важнейшие изменения в эмоциональной истории Франции затрагивают – в большей степени, чем внутренние переживания, – интеграцию пары в социальный, семейный, юридический порядок. Первые любовные коды возникли в обществе христианском, но еще не христианизированном; воздержание стало одним из смертных грехов, а супружеская верность была возведена в незыблемый принцип: христианский брак, моногамный и нерасторжимый, доктрина которого складывается в промежутке между XII и XVI веками, базируется на взаимном согласии двух индивидов, по образу любви Христа и его церкви. На деле же выбор супруга делается прагматичными отцами, руководствующимися не столько взаимной склонностью молодых людей, сколько имущественными интересами: муж и жена практически не существуют как «пара»; они лишь звенья в семье или клане. Церковь принимает в расчет слабые места системы: в некоторых крайних случаях (жестокое обращение или расточительство) с согласия церковного суда допускается раздельное проживание супругов, однако церковный брак не расторгается. Церковные власти также могут признать союз недействительным по следующим трем мотивам: принуждение, близкое родство супругов или импотенция.

Относительно матримониальных практик в Средние века мы имеем мало информации. Из документов, хранящихся в судебных архивах, известно, что разрыв отношений мог быть достаточно жестким: 1–2% преступлений в конце периода Средневековья были преступлениями на почве страсти и совершались супругами. Язык любви, в значительной мере заимствованный у Овидия, конечно, известен; его можно найти в легендах, эпосах и романах, адресованных рыцарскому сословию. Легенда о Тристане и Изольде, беспрецедентно популярная в

ХII–ХIII веках, обессмертила идею о фатальности страсти, которую символизировал магический любовный напиток. Эта образцовая любовь, вознесшаяся над всеми законами, отвечает тайному и необоримому стремлению к счастью, которое воплощено в образе вечных любовников; но любовь – это еще и неуловимый яд, который циркулирует в венах и разбивает сердца; ревность всегда где-то рядом. Пленяющая, тиранящая, разрушающая, любовь не считается с правилами жизни, принятыми в обществе, и рушит все преграды на своем пути; стыд – главная эмоция, которая сопровождает любовь, если возникает подозрение во лжи или измене; однако этот стыд никого не делает безукоризненно честным; разрыв первоначально – это прежде всего пощечина обществу, и только потом – глубоко интимные страдания: расставание – это оскорбление, наносимое чести клана или семьи.

Постепенно общество становится все более цивилизованным, светская жизнь освобождается от феодальной зависимости. Теоретики любви стремятся примирить страсть с внешней благопристойностью, желание – с уважением к его объекту; идеалом становятся галантность и благонравная любовь. Любовь в XVII веке подчинена другим страстям – честолюбию и желанию прославиться, воле и смелости, которые были престижны и обеспечивали человеку уважение к самому себе. Если случается разрыв отношений, он выглядит как жертва, принесенная на алтарь чести – или самолюбия. Перед лицом этого аристократического идеала, принятого при королевском дворе, суровая янсенистская мораль² акцентирует внимание на тщетности славы и жадном и ревнивом желании, присутствующих во всяких любовных отношениях, даже искренних, что связано с полнейшей греховностью человека; герои трагедий Расина, несмотря на все свои добродетели, уступают роковым страстям. Проявления малодушия, непреодолимая потребность в «развлечениях» и новизне – неотъемлемая часть человеческой натуры; как писал Паскаль в «Мыслях», «люди ненавидят друг друга, такова их природа»; любовь же хороша лишь в первые дни.

Нормы эмоциональной жизни практически не меняются до последней трети XVII века. Смерть Людовика XIV в 1715 году открывает более свободный новый век, одержимый идеей счастья, появляется новый взгляд на отношения в паре. Старый дискурс о героической любви постепенно исчезает, ему на смену приходит восхваление священных прав природы. Индивид открывает в себе бесконечное богатство чувств, и эта субъективная точка зрения дает имя новому понятию – «любовному чувству». В 1769 году переводчик Лоренса Стерна, английского писателя, автора маленьких смачных зарисовок о французском обществе, вводит во французский язык слово «сентиментальный»; сентиментальность входит в моду, и пятью годами позже Кармонтель³, писавший в форме «пословиц» легкие комедии для развлечения двора, высмеивал «сентименталов». Чувство, естественная склонность, понемногу становится гарантией личного выбора и счастливой личной жизни, основанной на взаимной любви. Руссо приветствует брак по любви: сердце, которое не обманешь, очищает природные инстинкты, «не следует за чувствами, а ведет их». «Слишком тугие узлы рвутся. Вот что случается с браком, когда его удерживают силой».

Чувства неразрывно связаны с тревогой: познать себя означает принять постоянные сердечные сомнения и ощутить свою уязвимость. Невозможность удовлетворить свои желания, столкнувшись с принятыми в обществе нормами, приводит юного Вертера, героя Гете, к самоубийству. По мнению историка Робера Мози⁴, в последней трети XVIII века мифология несчастья обгоняет счастье и возвещает романтическую революцию. Любовные страдания чувствительных натур – готовность принять судьбу, таить в себе неутраченную боль – возводятся ими

² Янсенизм – религиозное движение в католической церкви XVII–XVIII веков, осужденное как ересь. Подчеркивало испорченную природу человека вследствие первородного греха. – *Примеч. пер.*

³ Кармонтель (настоящее имя Луи Каррожи, 1717–1806) – французский поэт, художник и архитектор, автор пьес в жанре популярных в его время драматических пословиц.

⁴ Mauzi R. L'Idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIIIe siècle (1979).

в превосходную степень. Любовь – это не иллюзия: ее узы основательны, абсолютны, интимность, порождаемая ими, очень глубока, поэтому любовь постоянно находится под угрозой. Во многих книгах и брошюрах оплакиваются «тысячи несчастных супругов, мучающихся в неудачных семейных союзах, которые нет возможности расторгнуть». Если право на счастье относится к законам природы, то крах супружеских отношений не менее естественным образом должен повлечь за собой право на разрыв несчастливой союзы, в котором нет любви.

Созидая новое общество, свободное от патриархального принуждения, революционные законы от сентября 1792 года превращают брак-тайнство в гражданский акт, который в случае необходимости может быть отменен. Новые законодатели учреждают право на развод, который стал доступен как самым бедным, так и самым богатым, как мужчинам, так и женщинам. Предусматриваются три типа причин для развода: взаимное согласие, несовместимость характеров и «объективные причины», такие как слабоумие одного из супругов, уход из дома или ставшее достоянием общественности безнравственное поведение. Гражданский кодекс 1804 года не отменил светский характер брака, но запретил разводы по причине несходства характеров, сочтя подобную формулировку слишком размытой. Разводы были вновь запрещены в 1816 году, и пришлось ждать еще почти семь десятилетий, чтобы появившийся в 1884 году закон Наке⁵ восстановил право на развод. Тем не менее еще на протяжении десятилетий развод рассматривался как отклонение от нормы.

В основе современной пары конца XX века лежат две ценности, которые отныне не ставятся под сомнение: любовь и свобода. Женщины добились независимости; заниматься сексом теперь можно не только ради зачатия ребенка; юридически оформленный договор о гражданском браке (гражданское партнерство) оставляет достаточное пространство для маневра, и слово «да», произнесенное супругами перед лицом мэра, через несколько месяцев легко может превратиться в «да» при разводе по обоюдному согласию. Современный брачный союз, базирующийся на индивидуалистических ценностях, главная из которых – любовь, призван обеспечить расцвет каждого. Сексуальное удовлетворение – «несущая конструкция» жизни пары: от него зависит эмоциональная привязанность. На смену традиционной рыцарской игры, в которой мужчина завоевывает, а женщина отдается, приходит договор равноправных партнеров.

Похоронит ли «новый любовный порядок» длительные отношения? Нет ничего более хрупкого, чем желание. В последнее время стремительное развитие интернета и появление многочисленных сайтов знакомств сделало секс банальностью. Предвкушение стало сильнее, чем когда-либо, но оно таит в себе разочарование и небезопасность. В отсутствие сдерживающих установок и общественных условностей отношения становятся все менее надежными, в погоне за новизной расставания следуют одно за другим. «Наше общество стало относиться к разрыву отношений как к неизбежному злу, без которого невозможно согласие», – пишет социолог Ева Иллуз в работе «Почему любовь ранит»⁶. Любое расставание – спокойное или скандальное – приносит боль, и страдания, вызванные агонией любви, дело нешуточное. Анкеты, проводимые психологами, показывают, что эти страдания создают серьезные психологические проблемы, от депрессии до суицида; гнев, борьба, желание отомстить, бегство, обесценивание собственной личности, опускание рук – вот составляющие любовных мук. В обществе, где самореализация и счастье считаются обязательными, крах любви становится самой тяжелой драмой, с которой может столкнуться индивид, и оставляет неизгладимый след.

Тем не менее нередко раны затягиваются; примириться с воспоминаниями, вновь обрести потерянную часть себя, снова стать способным к восприятию нового – это уже половина

⁵ Альфред Наке (1834–1916) – французский врач, химик и политический деятель, инициатор принятия закона о разводе. – *Примеч. пер.*

⁶ Illouz E. Pourquoi l'amour fait mal (2012).

дела; утихшие страдания могут принести освобождение. И в XXI веке люди стремятся к стабильной и искренней любви, способной бороться с брэнностью эфемерного мира.

Часть первая. Разрыв отношений: дело чести

Когда любовь уходит, каждый имеет право испытывать боль. Любовники, супруги прекращают друг друга любить, он (или она) уходит; резкий или постепенный, внезапный или предсказуемый, разрыв отношений сопоставим с болью, которая сильнее, чем биологическая смерть, по крайней мере до тех пор, пока время не сделает свое дело и любовный крах не забудется и не станет безразличен. На протяжении двух тысяч лет стоны по ушедшей любви звучат в литературных произведениях. Что бы ни привело к разрыву отношений, эти стоны и эти реки слез – одни и те же из века в век.

В конце I века до нашей эры Овидий через свою героиню Дидону, покончившую с собой из-за бегства Энея, оплакивает всех брошенных и преданных женщин:

Вся я горю, как горит налитанный серою факел
Или как ладан святой, брошенный в дымный костер.
Образ Энея в душе и днем остается, и ночью,
Образ Энея – в глазах, сон позабывших давно.
Нет благодарности в нем, ко всему, что я сделала, слеп он,
С ним бы расстаться была рада я, будь я умней⁷.

Перед разрывом воспламеняется ревность, эта непроходящая жгучая боль, которая сопутствует состязанию с соперником; разгневанная Деянира, увидев, как по улице проходит прекрасная Иола, иноземная возлюбленная Геркулеса, в бешенстве стонет:

...И отвернуться нельзя: глаза глядят против воли,
Как через город идет пленница вслед за тобой,
Не распустивши волос (не так, как бывает у пленных),
С видом таким, словно ей бед не послала судьба...⁸

Когда Овидий сочинил пятнадцать любовных писем, которые могли бы написать героини античной мифологии, ему не было еще двадцати лет, он брлся всего лишь два раза в жизни. Так родился жанр письма несчастливой любви, горя и траура.

Исторический контекст и моральный кодекс, IX–XV века

Что же такое любовь? Болезнь, безумие, обычное удовольствие, вроде охоты и рыцарских турниров, или высшее благо? Авторы средневековых трактатов, поэм и романов соглашались по крайней мере в одном: безответная или обматуная любовь сводит с ума. Доблестный Ланселот, разлученный с женщиной, которую любит, впадает в депрессию и «неистовство»: рвет на себе волосы, расцарапывает лицо, разражается рыданиями, блуждает по лесу, потому что он «потерял надежду быть любимым» (безумие Ланселота).

Каждая эпоха создает свои собственные ценности и эмоциональные нормы, в основе которых лежат воображаемые представления. Феодальное общество – это общество свободных и амбициозных рыцарей; их агрессия, насилие, грабежи, похищения людей, которыми они нередко занимаются, компенсируются совершением подвигов, мужеством и верностью

⁷ Овидий. Героиды. Письмо Дидоны к Энею. Пер. с лат. С. А. Ошерова.

⁸ Овидий. Героиды. Письмо Деяниры к Геркулесу. Пер. с лат. С. А. Ошерова.

сюзерену. Рыцарская любовь идеальна; завоевание дамы является наградой, о которой мечтают рыцари на поле брани и которую воспевают трубадуры в маленьких господских двориках. Честь, смелость, уважение, преданность, скромность – это правила куртуазных отношений, сложившиеся в XII веке; на них, за пределами брачных законов, между мистической любовью и любовью плотской, основана светская любовная этика; молодые воины, холостяки и соперники, должны доказать свою ценность. Ревность – это «самая суть любви, без которой не может быть настоящей любви»⁹. Возникает любовная казуистика: «Если дама обманута первым любовником, поступает ли она бесчестно, заводя другого любовника, более верного?» «Потеряв надежду на встречу со строго охраняемой ревнивым мужем дамой, может ли рыцарь начать искать новую любовь?» Куртуазная любовь восхваляет не столько женщину, сколько женственность. Двумя веками позднее Кристина Пизанская¹⁰ в книге «Послание богу любви» восстанет против мужской концепции любви, не принимающей во внимание желания женщин.

Одновременно с ростом городов изменяются ценности и диверсифицируются функции: моногамный брак становится основой социального уклада. Для мужчины он не является самоцелью, но выполняет регулирующую функцию, потому что укрепляет связи между семьями; предназначенный для воспроизводства и процветания вотчины, брак стратегически выверен родственниками, и его стабильность гарантирует стабильность сообщества. Любовь – это ненужная роскошь; средневековые теологи не скрывают беспокойства и даже неодобрения мощи желания; слишком горячий нрав мужа, излишняя любвеобильность жены вредят общественным отношениям и отвлекают от любви к Богу.

С IX века постепенно начинают складываться канонические правила брака, этому способствовала и григорианская реформа¹¹. На протяжении целого тысячелетия на едва христианизированном Западе супружеский союз оставался нестабильным, разрывы отношений были частым явлением. Римское право и германский брак позволяли мужчинам выгонять жен, и в богатых семьях разводы были весьма распространены. Для знатных персон эпохи Каролингов многоженство было средством вести союзническую политику и увеличивать свои владения мирным путем, не развязывая войн; отец отдавал свою дочь мужу, а тот взамен оставлял ей наследство; брачная церемония скрепляла союз, делая будущих детей законнорожденными. Однако законными считались и другие союзы, уже без оставления наследства женщине, – таким образом удовлетворялись сексуальные потребности молодежи и завязывались дипломатические отношения. Карл Великий, например, был женат пять раз, без колебаний перевел свою первую жену Химильтруду в статус конкубины и вступил в брак с дочерью короля лангобардов.

В средиземноморских регионах, где каноническая традиция Церкви начиная с IV века принимает эстафету от римского права, разводы разрешаются в лишь некоторых определенных случаях: например, в случае сексуальной несостоятельности, ухода кого-то из супругов из дома или измены.

В действительности же старые достаточно снисходительные обычаи сохранились почти повсеместно, и односторонние разводы по-прежнему в ходу. Около 820 года, после падения империи Каролингов, на смену высшим имперским чиновникам приходит епископат. Священники начинают вмешиваться в матримониальные дела с целью повысить нравственность союза, навязывают парам моногамию и берут на себя роль судьи в ситуациях, когда существуют препятствия для вступления в брак: двоеженство, адюльтер, инцест или близкородственные отношения желающих заключить брачный союз. Знаменитое дело 1092 года о повторном браке

⁹ Андрей Капеллан. Трактат «О науке куртуазной любви» (André de Chapelain, *Traité de l'amour courtois*).

¹⁰ Кристина Пизанская (1364/65–1430) – средневековая французская писательница итальянского происхождения, автор ряда философских трактатов о роли женщины в семье и обществе. Большинство современных ученых-феминисток считают ее произведение началом современного феминистского движения. – *Примеч. пер.*

¹¹ Григорианская реформа – ряд церковно-административных и канонических преобразований, осуществленных в понтификат папы Григория VII (1073–1085). – *Примеч. пер.*

Филиппа I, который заточил свою жену Берту в замке Мотрей-сюр-Мер ради женитьбы на Бертраде, жене графа Анжуйского, во многом поспособствовало тому, чтобы знатные сеньоры подчинились новым требованиям Церкви: босиком, в рубище, король должен был дать клятву, что никогда больше не вступит ни в какие отношения с Бертрадой и сможет заговорить с ней исключительно в присутствии посторонних. Крестьяне, в отличие от аристократов, с большей готовностью приняли моногамный брак, полагая, что это позволит сохранить земельную собственность.

Церковь очень быстро оценила роль брака в обществе, проявила обеспокоенность анархией, царящей в сфере супружеских отношений, и начала создавать идеал, способный отвечать одновременно и этическим устремлениям, и чувственным порывам феодального общества, движимого эмоциями. Телесные отношения стали предметом обсуждения; Абельяр, бесстыдно заявляя, что в супружеском сексе самом по себе нет ничего предосудительного, нарушил моральные законы, и теологи увидели в этом разрушительные последствия страсти. В 1184 году Церковь официально признала «таинство брака», одновременно духовное и телесное. В 1215 году на IV Латеранском соборе были установлены правила христианского брака: в его основе – обоюдное согласие вступающих в брак, которые обмениваются словами «я беру тебя в жены» и «я беру тебя в мужья». Это публичное действо: во избежание дальнейших отказов священник благословляет союз в присутствии свидетелей. Брак моногамен и не подлежит расторжению – таинство не может быть отменено людьми. Вступать в брак разрешается с весьма раннего возраста: 12 лет для девочек и 14 лет для мальчиков. Для уверенности в законности будущего союза Церковь приветствует практику помолвки; в конце XII века каноническая доктрина признает действительными и «предполагаемые» браки, если окажется, что молодые люди вступили в интимные отношения до свадьбы, поклявшись в верности. Во время помолвки в торжественной обстановке происходит обмен подарками и подписание брачного контракта, в каждом регионе у этого события были свои особенности. Несмотря на то что помолвка благословляется священником, она не означает, что решение принято раз и навсегда; контракт может быть аннулирован с возмещением убытков под контролем судьи. Церковный брак, в свою очередь, не может быть расторгнут: люди женятся пожизненно.

Неудачные браки

Разногласия, обиды, ревность... конфликты в супружеской жизни неизбежны. Муж – хозяин, жена обязана ему подчиняться. Как правило, общие интересы берут верх, супруги поддерживают друг друга, помогают пережить невзгоды. Случается и так, что родители, выбирая мужа для дочери или жену для сына, принимают во внимание склонности детей, и тогда супруги живут в согласии и дружбе. Однако каждый брак, удачный или неудачный, должен пройти испытание временем. Муж ходит по злым местам, пьет, залезает в долги, спит со служанкой или приводит пьяных дружков домой на ужин. У жены часто подгорает рагу, она транжирит деньги, она болтлива, бесцеремонна и выставляет свою красоту перед нескромными взглядами мужчин. Муж, боящийся, что жена будет ему изменять, запирает ее дома; ей ничего не остается, кроме как подчиниться его воле; «всяк сверчок знай свой шесток» – гласит народная мудрость. От оскорблений муж переходит к угрозам, от угроз – к рукоприкладству; насилие нарастает стремительно; достаточно одного лишь подозрения – и страсть яростно рвется наружу. Мужья широко пользуются правом наказывать жен в воспитательных целях, а соседи все знают, но помалкивают.

Для разрыва супружеских связей недостаточно несчастливого брака. Мало кто из жертв насилия осмеливается подавать на обидчика в суд, к тому же это удовольствие стоит дорого, а разбирательство тянется долго. Церковный суд, в чьем ведении оказываются бракоразводные дела, начинает следствие, заслушивает супруга, вызывает свидетелей. Как правило, жен-

щины выдвигают в качестве обвинений жестокое обращение со стороны мужей или расточение семейного имущества; обвинения мужей в основном касаются репутации жен. Измена – вторая важнейшая причина разводов; достаточно малейшего слуха о том, что женщина торгует телом, или же ее скандального поведения, чтобы под сомнением оказалась честь не только мужа, но и всей семьи, – однако никакие показания третьих лиц в расчет не принимаются. Измена мужа осуждается лишь в том случае, если имеет место сожительство или если любовница – замужняя женщина; чаще всего муж просто «ходит на сторону». Судебный процесс идет очень медленно. Для начала суд пытается примирить супругов и дать возможность провинившейся стороне вернуться в семейное гнездышко; в случае рецидива и невозможности примирения судья выносит приговор о телесном и имущественном разделе, на несколько месяцев или навсегда. Начиная с XV века в разных регионах эстафету от церковного суда принимает светское правосудие – господское или королевское. Постановление о разводе означает окончание обязательств выполнять супружеский долг, однако супругам – и тому, по чьей вине произошел развод, и обиженной стороне – не разрешается снова вступать в брак.

Несмотря на то что каноническое право не признает дискриминации по гендерному признаку, решения суда в отношении женщин всегда оказываются более суровыми, чем в отношении мужчин; супруга, уличенная в адюльтере, теряет право на свое приданое и то, что ей причитается по брачному контракту; ей коротко стригут волосы, порют розгами, а потом заключают в монастырь на год или на два, где она носит одежду, которую носила «в миру». По истечении двух лет муж может простить ее и без всяких формальностей взять к себе в дом или, наоборот, оставить ее до конца дней в монастыре; что же до любовника, то его отправляют в ссылку или же на галеры. Однако судья может просто заставить жену вернуться в супружеский дом. Многие обманутые мужья предпочитают не «заявлять» на своих жен – обращение в суд равносильно признанию в неспособности навести порядок у себя в доме, лучше уж не выносить сор из избы. Муж, терпящий измены, о которых известно всем и каждому, становится мишенью для насмешек; рогоносец вызывает больше издевательств, чем сочувствия. По мнению медиевиста Шарля де ла Ронсьера, судебная практика в XV веке направлена на ужесточение наказаний. Тем не менее еще долго на мужскую сексуальную вседозволенность смотрят сквозь пальцы.

В очень редких случаях могла быть начата процедура аннулирования брака; ходатайство при этом непременно должно было подаваться в церковный суд. Основные причины подобного аннулирования – близкородственные связи супругов, введение в заблуждение о состоянии здоровья одного из них (импотенция, бесплодие), отказ заводить детей или соблюдать верность супругу, двоеженство или двоемужество, физическая незрелость: супруги, помолвка и брак которых были устроены родителями до момента полового созревания детей, могли обратиться в епархию с просьбой об аннулировании брака, потому что, с точки зрения канонического права, подобный брак был заключен без согласия молодых, бывших в момент сговора малолетними. Обоим супругам в таком случае разрешалось жениться или выходить замуж повторно. Заявления о расторжении подобных браков рассматривались очень подолгу, и зачастую решение зависело от социального положения заявителей.

У нас недостаточно статистических данных, чтобы оценить количество разводов, данных церковью и светскими судами, но можно сказать, что в сельской Франции, где собственность на землю являлась важным сдерживающим элементом, их было очень немного. В основном окончание отношений бывало вызвано не столько отказом от сексуальной близости, сколько смертью одного из супругов. Помимо брачных споров до сих пор не находят решения и другие вопросы: являются ли обещания, даваемые друг другу женихом и невестой, и последующая консумация отношений достаточными основаниями для брака? Как переживать воздержание, когда между супругами больше нет близости? Вопросов много, и со всех сторон слышны жалобы мужчин и женщин, семейная жизнь которых сложилась неудачно. Гуманисты – напри-

мер, Эразм – в начале XVI века осмеливались говорить о другой концепции таинства брака, в основе которой лежит дружба и нежность; дополнительным элементом такой концепции могла бы быть доступность развода в случае, если отношения супругов не сложились. Протестантская Реформация под руководством Лютера и Кальвина ставит этот вопрос остро: брак теряет свою священность, не является больше нерасторжимым; родителям рекомендуется не женить детей против их воли, а в крайних случаях, из соображений здравого смысла, для супруга, чьей вины в разводе нет, разрешается повторный брак.

Драматические разрывы отношений

«Страсть – это дикий зверь, сорвавшийся с цепи». Преступления на почве страсти иногда совершаются в самых обыденных ситуациях, и преступниками оказываются не какие-то маргиналы, а обычные мужчины, разгневанные и желающие отомстить. Жан де Мён, автор второй части «Романа о розе», без колебаний связывает закат любви с принуждением к браку. Французская исследовательница Средневековья Клод Говар в книге «De grâce especial», посвященной насилию в средневековом обществе, указывает, что преступления на почве страсти на излете Средних веков во Франции составляли 2% общего числа раскрытых преступлений¹². Цифра небольшая, но надо учитывать, что существовало множество способов избежать наказания; источники информации в судах молчат о семейных ссорах, не переросших в драму. Изучая прошения о помиловании, подписанные королем, можно узнать очень многое о ведущих к преступлению ссорах и страстях, бушующих за закрытыми дверями как хижин землепашцев, так и замков знатных сеньоров. Главными сексуальными преступлениями оказываются изнасилование, влекущее за собой позор, а также убийство на почве ревности. Последнее часто совершается сгоряча; ослепленный ревностью муж, убивающий жену или ее любовника, заявляет потом, что не хотел убивать. Упав перед судьей на колени, обнажив голову и смиренно сложив руки, он уверяет, что «полон сожаления». Несмотря на то что такой человек заслуживает смерти или изгнания, он все же имеет некоторый шанс на милость со стороны судьи; в обществе, где царит мизогиния, неверная жена представляет угрозу для всех. В XIV веке шевалье де Ла Тур Ландри, автор руководства по воспитанию девиц, полагает справедливым, что «всякая жена, уличенная в том, что была с кем-то помимо своего сеньора, должна быть сожжена на костре и заброшена камнями». Два века спустя, в 1575 году, юрист Жан Папон допустит, что, если муж застанет жену с любовником, он вправе убить ее или его, потому что ему нанесено «оскорбление, которое невозможно оставить безнаказанным». Разрываясь между христианским долгом прощать и естественным желанием защитить свою честь, виновный в убийстве муж, «впавший в помешательство», поддался гневу, и его эмоциональное состояние заслуживает снисхождения со стороны суда.

От женщины же Бог требует, чтобы она была терпеливой и разумной; ей позволено подавать жалобу в суд только в том случае, если поведение мужа угрожает ее жизни. Когда в семье плохие отношения, драка может разгореться по малейшему поводу; разгоряченный муж бьет жену, потому что она отказывает ему в близости, потому что носит вызывающие наряды или потому что она бросила взгляд на прохожего; уязвленная и обиженная, она бунтует, хватается дубинку, ножницы, полено, лопату – она думает только о том, чтобы защититься. Постоянные издевательства приводят ее на грань суицида, а иногда убийства: так было с молодой матерью по имени Маргарита, которая только что родила девочек-близнецов и кормила их грудью, в связи с чем отказывалась спать с мужем. Ей неоднократно приходилось обращаться за помощью к соседям. Однажды муж, опьяненный гневом, осыпая жену проклятиями, схватился за топор, но она оказалась проворнее и отвела удар от себя, серьезно ранив при этом мужа. Испол-

¹² Gauvard C. De grâce especial (1991).

ненная ужаса, она убежала из супружеского дома; на завтра мужчина был обнаружен мертвым. Представ перед судом, Маргарита выглядела очень испуганной, путалась в показаниях, бормотала что-то о необходимой самообороне; ее спасли показания соседей. Она была помилована и оправдана¹³.

Главной причиной супружеского насилия всегда оказывается уязвленная честь. В обществе, где семья важнее каждого ее члена в отдельности, удар по репутации считается самым большим несчастьем. В глазах окружающих ответственность за поведение жены несет муж. Чтобы поколебать его доверие, достаточно малейшего подозрения. Подвыпивший крестьянин называет соседку бесстыдницей, сукой или развратницей, и это оскорбление падает не только на нее, но на всю семью; оскорбление с сексуальным подтекстом, произнесенное публично, например «сукин сын», заставляет задуматься, является ли человек сыном своего отца. Что же касается измены, она может вовлечь в цепь кровавых событий многие поколения. Обманутый муж стремится отомстить, ему в этом помогают братья, слуги, кузены и друзья; он организует карательную экспедицию, сбежавший обидчик пойман, его детородный орган отрезан «маленьким ножичком». Кровная месть практически узаконена, суды под давлением Церкви санкционируют убийство. Ходатаи не говорят о разбитом сердце – их заботит только оскорбление, нанесенное семейному клану.

Хрупкость тайной любви

Несмотря ни на что, любовь существует, иногда случаются тайные браки и внебрачные связи. Вкус к приключениям, любовь с первого взгляда, винные пары, разгул карнавала воспламеняют юные сердца; молодые люди тайно соединяют судьбы, стремясь выскользнуть из-под родительской власти и избежать устроенного старшими брака по расчету. С точки зрения традиционного церковного права, подобные тайные браки законны; присутствие священника и свидетелей не везде считается необходимым, и взаимная склонность влюбленных вкупе с телесным союзом является достаточным условием для заключения брака. По мнению Брантома, аббата и автора мемуаров о придворных секретах, таких тайных браков в XVI веке было во Франции множество. Перед Церковью вставала проблема: как примирить свободу таинства и законную родительскую власть, зная, что навязанный брак очень часто заставляет супругов искать на стороне то, чего они не находят в лоне семьи?

Тайные браки – вещь ненадежная: через несколько лет или месяцев амбициозный муж может бросить супругу ради женитьбы на высокопоставленной невесте, и покинутая женщина нередко начинает судебный процесс. Церковные суды полны сомнений: решение жениться, принятое в состоянии опьянения, обещания соблазнителя, желающего добиться близости, давление на не желающую подобного брака родню, мезальянсы: ложь бросает тень недоверия на данные клятвы, и в отсутствие официального брака союзы рушатся.

Тайный брак – это боль аристократических семей, так как он угрожает их имущественным стратегиям. В 1556 и 1557 годах французский двор сотрясают два крупных скандала. Король Генрих II не стал ждать выводов бесконечных теологических комиссий и вынес распоряжение: если защита семей является частью ответственности монарха, то он, как монарх, запрещает заключать браки без согласия родителей, без публичного объявления о помолвке и без благословения приходского кюре. Не будучи в состоянии объявить тайные браки ничтожными – это нарушило бы каноническое право, – он предусмотрел устрашающее наказание в виде лишения наследства детям, отважившимся обойти королевский указ. Совершеннолетие для мужчин наступало в тридцать лет, для девиц – в двадцать пять, но из почтительности и уважения к родителям их согласие на брак должно было спрашиваться и после наступления

¹³ Zemon Davis N. Pour sauver sa vie, récits de pardon (1987).

этого возраста. Нарушение королевского указа делало брак юридически ничтожным: на кону был авторитет главы семьи.

Король и сам столкнулся со злом, которое несут в себе тайные браки: в 1556 году он решил выдать замуж за Франсуа де Монморанси, сына коннетабля, свою незаконнорожденную дочь Диану Французскую (Диану де Шательро), но выяснилось, что молодой человек был тайно женат на Жанне Пьенской, фрейлине королевы, и ни в коем случае не собирался отказываться от своей любви. 5 октября пара предстала перед ассамблеей кардиналов и епископов в Лувре и подверглась допросу. Жанна скромно, но бесстрашно отвечала, что уже пять лет назад Франсуа сделал ей предложение и они обменялись клятвами без свидетелей, что они любят друг друга и что она поклялась ему в верности. Жанна верила в нерушимость данных друг другу клятв. Франсуа, под давлением отца, давал невнятные двусмысленные ответы. Папа Павел IV, к которому судьи обратились за помощью, признал обоснованность ответов Жанны Пьенской и счел брак действительным. Допросы, целью которых было сломить Жанну, возобновились и длились всю зиму 1556/57 года; молодая женщина была изгнана из двора и надолго заключена в монастырь Фий-Дье (Filles-Dieu), прибежище падших женщин. Там она узнала, что Франсуа, убежденный властным отцом, отправился в Рим, чтобы уверить папу в своем раскаянии и вымолить прощение. Речь в суде была полна ложных заявлений, и о консумации союза не было сказано ни слова. Рим тем не менее не уступал. В конце концов Франсуа написал Жанне оскорбительно холодное письмо, в котором сообщил, что не считает себя женатым: «Осознав ошибку, которую совершил по недомыслию, я отказываюсь от всех своих слов и обещаний жениться...» Столкнувшись с такой трусостью, Жанна вынуждена, в свою очередь, оказаться от своих притязаний. Нотариус подготовил акт о расторжении отношений. Жанна подчинилась, но ответ ее был полон достоинства: «Он малодушнее любой женщины <...> Он обманул меня, я вижу, что он предпочитает быть богатым, нежели благородным человеком».

Допустимая любовь

Тридентский собор в 1563 году посвящает свою двадцать четвертую сессию таинству брака. Подтверждается, что брак может быть заключен только по доброй воле будущих супругов в присутствии свидетелей и что его должен благословить священник. Согласие родителей для молодых людей старше восемнадцати лет и девиц старше шестнадцати лет необязательно, однако во избежание проблем, которые могут возникнуть из-за столь распространенных тайных союзов, в декрете «Tametsi» («однако», «тем не менее») есть оговорка, что, несмотря на то что такие союзы являются законными перед лицом Бога, они «неприемлемы и запрещены». Отсутствие единого мнения духовенства вызывает враждебность в большинстве стран, и разгораются споры: английский король Генрих VIII в 1533 году разорвал отношения с Римом. Он был женат шесть раз, развелся с первой женой и казнил вторую; король Франции Генрих II отказался ждать решений последнего соборного заседания и стал на свое усмотрение разбираться со скандалами, отравлявшими жизнь двора; в протестантских странах не признается папская власть и разрешаются разводы; наконец, в 1540 году Карл V принимает меры для запрета тайных браков в Нидерландах, а герцогства Савойское и Лотарингское, в свою очередь, не признают брачные союзы, заключенные без согласия родителей.

Однако правила правилами, а нравы нравами. В хаосе гражданских войн, бушевавших во Франции начиная с 1562 года, люди вели себя весьма вольно и отважно. За внешней изысканностью скрывались brutальные манеры, и при дворе последних Валуа царили тщеславие и разврат: тайные связи, соблазнения и расставания, мимолетные чувственные свидания... Брантом описывает аристократические браки, в которых муж поощряет распутство жены, не видя в том повода для развода: «Ищите удовлетворения где-нибудь в другом месте, я вам разрешаю». Тайные любовные связи длятся недолго и проходят без следа, по крайней мере пока не затра-

гивают честь супруга. Оскорбление смывается только кровью: сберечь честь важнее, чем слыть учтивым; опасность для жизни придает любовной связи оттенок благородства.

Однако жизнь при дворе – это еще не вся жизнь. Против разнузданной чувственности поднимается реакция. Наиболее изысканные умы не желают путать любовь и наслаждение и, под влиянием Петрарки, прославляют «благонравную любовь», длящуюся долго, которая не есть ни брак, ни удовольствие на один вечер, ни чрезмерная строгость. Французский писатель XVI века Франсуа де Бийон в пятисотстраничном трактате в защиту дам пишет: «Женщины в своей любовной страсти тверже мужчин... а мужское непостоянство всем известно. Любовные связи часто рвутся или же завершаются скандалом. Поруганная любовь женщины может обернуться ненавистью...»¹⁴

¹⁴ François de Billon. Le Fort inexpugnable en l'honneur du sexe féminin (1555).

ЭЛОИЗА И АБЕЛЯР «ПРОЩАЙ, МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ»

*Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся
и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила
его; звала его, и он не отзывался мне.*

Песнь песней, стих 5

Что может быть банальнее? Прекрасная юная девушка потеряла голову от любви к своему учителю грамматики и логики. Это талантливый человек, новаторские идеи которого пользуются уважением в интеллектуальных кругах Парижа; у него верные друзья, такие же заклятые враги, а его блестящий стиль работы привлекает в школу на острове Сите, близ собора Парижской Богоматери, учеников, прибывающих издалека, из Бретани и Пуату, а также из Испании, Англии и Фландрии. Учитель лет на пятнадцать старше ученицы, его авторитет оказывается сильнее сопротивлений, и любовная связь все же начинается. Они обмениваются письмами, любовными записками и стихами.

Вероятнее всего, роман Элоизы и Абеляра продолжался с осени 1115 до лета 1117 года: эта жгучая страсть, замешенная на желаниях, клятвах и печали, стала символом любовной драмы. Рафинированные любовники пишут друг другу на латыни; их письма, подлинность которых продолжает оставаться предметом споров, можно отнести к самым прекрасным признаниям в любви периода Средневековья, и, несмотря на свойственную эпохе риторику, в них отчетливо проступают искренние чувства. Авторы писем любят друг друга и вместе размышляют над тем, что же их объединяет: кто любит сильнее? Чья любовь лучше? Иногда в их письмах упоминается *amor* – опьянение желанием и любовью, любезное Овидию; иногда *dilectio* – возвышенная любовь, воспетая в Песни песней, где возникает понятие выбора «единственного»; или *caritas* – вселенская любовь с оттенком возвышенного, который ей придает христианство; или бескорыстная цицероновская *amicitia* – любовь-дружба, до такой степени наполняющая друзей или супругов общей волей, что они становятся одним существом. Современные языки слишком бедны, чтобы выразить всю тонкость греческих или латинских сравнений. Просвещенные Элоиза и Абеляр чувствительны к словам, литературным метафорам, к культуре своей эпохи, где уже намечаются «ренессанс» в мысли и зарождаются куртуазные нравы. Страсть, которую они испытывают друг к другу, прекрасно уживается с эрудицией, сквозящей в их письмах: элегии Овидия, античная философия, библейские тексты – вот темы их посланий друг к другу, как радостных, так и горестных.

Потом наступила драматическая развязка. Их дороги разошлись, и Элоиза написала пронзительные слова: «Я потеряла свое сердце, оно осталось с тобой. Жить без тебя оно не может».

Пьер Абеляр родился в 1079 году в фамильном замке Палле близ Нанта. Старший сын бретонского феодала, он мог бы сделать военную карьеру, если бы с раннего детства не стал проявлять явную склонность к изучению «свободных искусств», затем к преподаванию. Яркий, строптивый, но полный идей, он оттачивает свое педагогическое мастерство, переходя из школы в школу, из Анже перебирается в Тур, потом в Мелен и Лан. Целью Абеляра был Париж, где о нем уже ходила слава, но его свободомыслие пугает церковные власти. В 1113 году он поступает в парижскую школу Нотр-Дам и пользуется поддержкой семьи Гарланд, имевшей большое влияние при дворе Людовика VI. Абеляр – клерк, которому дают только мелкие поручения; в отличие от монахов он не отвечает за проведение литургии и живет на деньги от занятий с учениками; церковь в то время реформируется, в городских интеллектуальных кругах происходит обновление, и Абеляр выдвигает рациональный философский метод, соединяю-

щий диалектику с теологией и апеллирующий к языковым структурам при комментировании священных текстов. Он не только талантливый логик, но также поэт и автор песен; у него сложилась репутация соблазнителя. По слухам, распространяемым недоброжелателями, он даже захакивает к проституткам. «Развратник и гордец», – скажет он о себе позже.

Элоизе в 1116 году около двадцати лет, и она чрезвычайно одарена, что выделяет ее на фоне всех учеников. Она происходит из знатной семьи и выросла в превосходном аббатстве Нотр-Дам в Аржантее. Она увлечена философией, знает латынь, греческий, иврит и пишет стихи. Она живет в доме каноника Фульбера, своего дяди, в клуатре собора (клуатр не зависит ни от короля, ни от епископа); ее интеллектуальный уровень и семейные связи дают ей некоторую свободу. Фульбер трепетно относится к девушке и оказывает ей протекцию; он даже соглашается приютить у себя Абельяра, лучшего из учителей, и поручает ему образование племянницы. Дядюшка при деньгах и полностью доверяет своему блестящему тридцатипятилетнему собрату, лестные отзывы о котором обнадеживают его. Уроки, которые учитель дает ученице, начинают носить все более тесный характер и вскоре уже не имеют ничего общего со школьными занятиями. Абельяр настаивает на частых встречах, «три или четыре раза в день», но им следует быть осторожными. Чтобы скрыть крепость своей связи, они пишут друг другу на восковых табличках, потом молодая женщина переписывает текст на пергамент, после чего стирает написанное с воска.

Влюбленные ведут себя по-разному. Абельяр настойчив: он охвачен жгучей страстью. Элоиза сдержанна: в ее представлении любовь должна быть возвышенна и совершенна. Но вскоре робость проходит, и, соблазненная, она забывает себя: «Она душой и телом принадлежит ему», отдается любимому со всей страстью своей натуры. Воссоздать их интимный календарь, несмотря на упоминания в письмах сменяющих друг друга времен года, не представляется возможным. Много позднее, уже после разразившейся трагедии, Элоиза скажет: «Наслаждение, которое мы испытали вместе, было такой силы, что мне не удастся ни возненавидеть его, ни стереть из памяти».

Тайну, однако, хранить трудно, и поползли слухи. Кончилось тем, что о связи стало известно Фульберу. Проклиная злодея, которому он дал приют, каноник потребовал, чтобы любовники расстались. Эти печальные события Абельяр описывает в автобиографическом сочинении «История моих бедствий», изданном около 1130 года. После того как дядя узнал о связи Элоизы и Абельяра, девушка обнаружила, что ждет ребенка. Чтобы скрыть беременность Элоизы, Абельяр под покровом ночи отправил ее к своей сестре в Бретань под видом монахини; там она родила мальчика, названного Астролябием. Абельяр предлагал девушке выйти за него замуж, но она отказалась, ибо как можно совмещать ученую деятельность и крики младенца, служение Богу и рутину семейной жизни? Брак для блестящего преподавателя повлек бы за собой потерю положения, которое занимают священники, соблюдающие целибат. Элоиза заботилась в первую очередь о возлюбленном; Абельяр же думал не только о девушке, но и о карьере. Элоиза хочет, чтобы Абельяр женился на ней исключительно по любви, а не по необходимости, поэтому в ответ на предложение руки и сердца с достоинством говорит, что предпочитает называться его «подругой, а не женой».

Тем не менее брак все же был заключен – тайно, в Париже, после ночи, проведенной в молитвах. Ребенок в это время находился в Бретани. Присутствовали лишь несколько близких родственников, среди которых был и Фульбер. Сразу после церемонии супруги приняли решение расстаться, чтобы Абельяр мог продолжать свой славный путь. Молодая женщина вернулась в дом дяди, который осыпал ее упреками и иногда угрозами. Дело получило огласку. Обстановка в Нотр-Дам стала невыносимой; Абельяр предпочел отправить жену в монастырь в Аржантей, где она выросла; она снова надела монашеское платье, но пока не вуаль. Она подчинилась его приказам: была согласна на брак, расставание, монастырь. Абельяр же остался в Париже, чтобы попытаться успокоить разъяренного дядюшку.

Каноник Фульбер был человеком небезупречным и склонным к насилию. Бегство Элоизы привело его в ярость. Однажды ночью несколько человек, сговорившись с прислугой, проникли в келью к Абеяру и «отрезали ему части тела, при помощи которых он совершил свое преступление» – кастрация в те времена была обычным наказанием для виновных в изнасиловании и адюльтере. Связь между Фульбером и нападавшими не подлежала сомнению; головорезы разбежались, но двоих удалось поймать; они, в свою очередь, тоже были приговорены к кастрации. Что касается Фульбера, то он отправился в ссылку. Самый знаменитый преподаватель школы оказался в центре чудовищного скандала. О случившемся узнал весь город, включая школьников и мелких церковных служащих, и все бурно выражали Абеяру сочувствие; без такой славы он бы прекрасно обошелся. Как теперь появиться на публике? Униженный Абеяр, на которого показывали пальцем, в большей мере страдал морально, нежели физически, – наказание затронуло его авторитет. Он нашел убежище в аббатстве Сен-Дени, где его уроки теологии пользовались большим успехом у учеников. Элоиза же постриглась в монахини. Расставание состоялось.

Чтобы эта драма забылась, потребовалось время; Абеяр нажил множество врагов; этому способствовали его профессиональный успех, смелые научные работы, гордость, граничившая с высокомерием, история его любви. Он рассорился с монахами из Сен-Дени, которые ставили ему в упрек то, что он соединял философию с теологией; его неоднократно признавали зловредным, и его деятельность запрещали. Переписка с Элоизой не прерывалась полностью: пятнадцать лет спустя после разразившейся драмы они все еще обменивались письмами, подлинность которых порой оказывалась под вопросом, но теперь не вызывает никаких сомнений.

История одной переписки

Между 1115 и 1117 годами Элоиза и Абеяр написали друг другу более ста писем. Три века спустя, в 1471 году, монах-библиофил Иоханнес де Веприа обнаружил в аббатстве Клерво, основанном в 1115 году, эти бесценные пергаменты и переписал их. Тексты, входящие в этот сборник, поражающий воображение своей насыщенностью, не подписаны. Письма мужчины, обозначенные буквой *V* (*vir*, мужчина), чередуются с письмами женщины, помеченными буквой *M* (*mulier*, женщина). Среди них есть цепочки писем, есть отдельные загадочные фрагменты; принцип построения сборника нам неизвестен. Личности загадочных любовников вызывают множество вопросов. Надо сказать, что такой обмен эпистолами был частью традиционных упражнений в риторике, занятию которыми с радостью предавались образованные люди, – от той эпохи до нас дошло множество сборников подобного типа.

Большинство современных историков и филологов полагают, что эта анонимная переписка вполне соответствует истории любви Элоизы и Абеяра, изложенной в «Истории моих бедствий» и известной благодаря молве начиная со второй половины XII века, затем вновь открытой и рассказанной примерно в 1290 году знаменитым автором «Романа о Розе» Жаном де Мёном. Комментарии Сильвена Пирона, который перевел письма на французский язык (*Les lettres des deux amants*, 2005), и недавнее исследование австралийского критика Константа Дж. Мьюса (*La Voix d'Héloïse. Un dialogue de deux amants*, 2005) свидетельствуют о том, что это история любви именно знаменитого учителя и его блестящей ученицы, со всеми ее перипетиями и, подчас, непоследовательностями; она слишком исключительна, чтобы считать ее историей другой пары или же вообще мистификацией. Конечно, литературные условности наводят на мысль об учебниках куртуазной переписки (*De l'art d'écrire des lettres, Artes dictaminis*), но у каждого из «голосов» (мужского и женского) есть свой собственный стиль; особенности лексики и философии любовника, вместе с прочими аргументами, говорят о том, что перед нами переписка именно Абеяра и Элоизы. Веский аргумент в пользу этого – прочная связь, соединявшая первых монахов-цистерцианцев аббатства Клерво, где были обнаружены письма,

с монастырем Параклет, где в 1164 году закончилась жизнь Элоизы. В Клерво по инициативе аббата Бернара бурно дебатировался вопрос о мистической природе любви; таким образом, в том, что письма перенесли из одного монастыря в другой, не было ничего удивительного. После Великой французской революции письма, как и рукопись «Истории моих бедствий», оказались в библиотеке Труа.

Что же такое любовь? *Quid amor sit?* Любовники не переставая задают этот вопрос. Юная ученица (идентифицированная как Элоиза) жаждет узнать это и понять, изучает свое сердце; она горяча и благородна; в первую очередь она хочет добиться внимания учителя, ослепить его эрудицией, произвести впечатление своей скромностью. Цитаты, которые она использует в письмах, как бы страхуют ее от излишества чувств; ее письма, поначалу похожие на школьные сочинения, становятся все длиннее и интимнее; личные детали выявляют контекст событий.

Элоиза не скрывает энтузиазма. Как ученица, она выражает искреннюю смиренность: женщины в те времена не имели права высказываться, а Абельяр был великим педагогом. Полная признания, она добивается его «глубокой дружбы» в Цицероновском смысле; он же, со своей стороны, без памяти влюбился в нее; и очень быстро тональность их отношений стала напоминать скорее Овидия, нежели Священное Писание. Они приветствовали друг друга, как полагалось, и обменивались ничего не значащими комплиментами, но были при этом на «ты». Учитель называет ее «беспечной», если она не пишет ему достаточно часто; он боится, что она пренебрегает им или что забыла его; он признается, что их переписка способствует его «отдохновению» и «здоровью». Отождествляя себя с «возлюбленной» – героиней Песни песней, сюжеты которой она иногда заимствует, Элоиза становится смелее: признавая за собой недостаток знаний, она говорит, что нуждается в стимулирующем присутствии Абельяра. И вскоре они уже общаются на равных.

Небольшие расхождения, поначалу почти незаметные, постепенно пробили брешь в представлениях обоих о любви: для Элоизы, одновременно реалистки и идеалистки, любовь – это прежде всего нечто человеческое. Она зависит не от склонности или эмоций, но от внутренней убежденности. Любовь можно доказать доверием, честностью, но прежде всего верностью. Это возвышенное чувство к кому-то единственному – не каприз: настоящая любовь беспричинна, бескорыстна, ей претит морализирование, но она обязывает обоих партнеров вести себя одинаково, как бы возвращать друг другу долги. Будучи реалисткой, молодая женщина живет сообразно обстоятельствам: радуется, когда счастлива, грустит, когда ей не везет. Она инстинктивно знает, как хрупка любовь: «Постоянное нахождение рядом друг с другом рождает непринужденность, та вызывает доверие, доверие влечет за собой пренебрежение, а пренебрежение – скуку».

Когда возлюбленный чересчур настойчив, Элоиза отступает и, верная термину «подруга», реагирует уклончиво. Что же до Абельяра, то он мечтает о ночи любви и заявляет о горячем желании «узнать ее поближе», даже требует ее «полного жизненной силы тела». Он не скрывает нетерпения: «Открой то, что ты прячешь, покажи то, что скрываешь, пусть забьет фонтан твоей нежности, не скрывай больше ничего от твоего самого преданного слуги...» (письмо 26). На этом этапе их переписки представляется, что физическая близость уже состоялась; парадоксальным образом учитель дает любви лишь менторское определение, прикрываясь словами Цицерона: «Любовь – это некая сила души, которая не существует сама по себе, но всегда переносится на другого, с определенным вкусом и желанием, стремясь все делать вместе с предметом любви» (письмо 24).

Вскоре их близость перестала быть тайной. Бурная личная жизнь учителя отразилась на его уроках; об отношениях влюбленных поползли слухи, распространяемые «ревнивыми» учениками. Чтобы спасти преподавательскую репутацию, честолюбивый Абельяр предпочел отступить; опечаленной Элоизе нечего было противопоставить его обретенному целомудрию, и она подчинилась обстоятельствам. Когда он порекомендовал ей опасаться слухов, она не могла не

усмотреть в этом свидетельства угасающей страсти: «Мне с трудом дается это слово. Прощай». Страсть сменилась охлаждением, объяснения которому в письмах нет: у возлюбленного проблемы со здоровьем? Испытание расставанием, внешняя угроза? Абельяр отмечает, что Элоиза перестала обращаться к нему на «ты». Он тоже переходит с ней на «вы»: «Отныне нельзя говорить вам ни „ты“, ни „моя нежная“, ни „моя дорогая“, но надо называть вас „сударыней“, потому что теперь мы не так близки, как были прежде, и мы стали посторонними» (письмо 36). Молодая женщина страдает. Ей, верной своей любви, малейшее охлаждение Абельяра кажется началом конца их отношений; она пишет ему все реже.

«Я не заслуживаю того, чтобы быть обманутой»

Между тем любовник не прекращает умолять Элоизу. «Будь милосердной!», «Пожалей своего любимого, который зачах от горя», «Напиши хоть пару слов», «Я с каждым днем горю все сильнее, а ты охладела». Вдали от нее, в одиночестве, сгорая от нетерпения, он чувствует себя изгнанником; при одной лишь мысли о том, что она разлюбила его или нашла счастье с другим, он рыдает: «Скажи же, моя нежная, доколе я буду мучиться?» Он забрасывает ее письмами, но она не отвечает. Конечно же, Элоиза страдает от разлуки с любимым: отчаянно верная, она нуждается в нем, «как земля в засуху нуждается в дожде». После паузы, длительность которой нам неизвестна, смиренная ученица наконец возобновляет переписку, выбрав для писем более безопасную тему – философию: говорить о любви означало бы вновь разжечь пламя страсти. В одном очень длинном письме она с увлечением продолжает когда-то начатую дискуссию: для нее любовь – это человеческая «добродетель». «Люби меня той любовью, которой я люблю тебя!» Религия в письмах почти не упоминается. Абельяр, эпистолы которого обычно бывали краткими, на этот раз отвечает пространно и, говоря об их союзе, употребляет то же самое слово «dilectio»¹⁵: «Я выбрал тебя из тысяч...»

Страх перед разлукой не покидал ее. Уязвленная, огорченная, влюбленная женщина без конца жалуется на отсутствие возлюбленного: «Ты меня почти забыл»; она очень зависима от него, поэтому боится слишком коротких писем, считает их «слабым подобием нежного приветствия», как и уклончивых фраз вроде «Я люблю тебя так, что не могу выразить этого словами». Она подстраивает свою жизнь под него, он же в большей мере занят своими делами. Она потеряла свою жизнерадостность, ей кажется, что он несправедливо лишил ее «привилегии своей любви» (письмо 58). Диалог, иногда изысканно-жеманный, временами становится более страстным: «Возникло непреодолимое препятствие», – защищает Абельяр. Какое? Физическое или же моральное? Философа, который позже напишет автобиографию, охватило чувство вины: «Я виновен в том, что вверг тебя во грех» (письмо 59).

Под накалом эмоций возникла настоятельная потребность в нравственной оценке себя – потребность, неотделимая от проявлений индивидуализма, которыми, на фоне обязательств перед общиной, было отмечено начало XII века. Учитель одержим впечатлением, которое он производит на учеников; вынужденный скрывать свои мысли и желания, неспособный отказаться от Элоизы, он признает, что «запретные удовольствия» заставляют его забыть все – Бога, учение, себя самого; в своей огромной любви он видит смертельную опасность для работы. Раздираемый противоречиями, Абельяр выбирает двусмысленную стратегию: «Мы будем любить друг друга мудро, потому что сможем сберечь репутацию, соединяя радости и удовольствия». Интересный план! Настал черед Элоизы пересмотреть их отношения; на этот раз она говорит о них будто в прошедшем времени; о «болезненной страсти» речи уже нет; отныне они будут любить друг друга «на основе твердой и незыблемой веры».

¹⁵ Dilectio (лат.) – возвышенная любовь. — Примеч. пер.

За неимением возможности обуздать сердце, Элоиза поразительным образом держит под контролем свой латинский лексикон; ее ответ на охлаждение мужа-любовника – это настоящее прощальное письмо. Слова любви она обращает в обвинения: она его любила страстно (*adamare*), ее любовь была безгранична (*caritas*), исключительна (*dilectio*), и она полагала, что любовь (*amor*) Абеяра прочнее «неприступной крепости»; прямая, искренняя, Элоиза никогда не опускалась до двусмысленности; «Видит Бог, мне нужен был только ты. Я не думала ни о наслаждениях, ни о собственных прихотях». Как Возлюбленная из Песни песней, «больная любовью», она мужественно вынесла испытания, но надежды на счастье обернулись «горестными вздохами сердца». Она плачет и покоряется Божьей воле: «Прощай, твоя мудрость и твоя наука меня обманули. На этом нашей переписке конец».

Лучшая защита – это нападение, и ответ Абеяра был чеканным:

Не знаю, что за страшный грех я совершил, что ты вдруг стала отказывать мне в каком бы то ни было сочувствии и теплоте. Здесь, вероятно, одно из двух: либо мой грех, с твоей точки зрения, был чрезвычайен, либо ты не очень сильно любила меня, если с такой легкостью отвергаешь мою любовь. <...> Эти слова мог произнести не благосклонно настроенный человек, а тот, кто давно искал случая, повода к разрыву отношений. Скажи, какое мое действие или слово заставило тебя написать эти горькие слова? <...> Если бы ты меня любила, ты бы так не говорила. Пусть у тебя все будет хорошо. Я получил твое омытое слезами письмо и пишу тебе ответ, не сдерживая слез (письмо 61).

Ссора была очень серьезной. Любовник вспоминал свой грех и страх, женщина говорила о любви, способной противостоять тюрьме, цепям, мечу; она упрекала его в отсутствии мужества, чтобы прийти и объяснить: «Я надеялась, что ты не сможешь не прийти ко мне, что найдешь способ поговорить при личной встрече». Она употребляет сильные выражения – «опасность», «скандал». Сомневается ли она в нем? Их паре угрожают слухи? Она обвиняет его в охлаждении к ней, у нее нет никаких иллюзий: «Преданность мужчины зависит от того, какая выпадет кость». «Я не заслужила того, чтобы быть обманутой!» Отныне во всех словах любви, тяжелых, как камни, сквозит подозрение в том, что за ними скрывается какая-то другая истина. Напрасно Абеяр будет каяться и называть себя нетерпеливым дураком, безумцем или пьяным, напрасно будет говорить о своей верности и нерушимости любви: яд сомнения отравит самые прекрасные слова.

Любовь и стыд

Столь долгожданная встреча после разлуки все же состоялась, и все упреки и жалобы, казалось бы, исчезли; оба говорили о «новой любви», базирующейся на другом фундаменте. Но что это за любовь? Отбросив психологические причины, любовники воспользовались риторикой своей эпохи. После векового молчания Церковь вынуждена была начать размышлять о том, что такое любовь, секс, страсть, счастье, где границы нравственного, каковы правила брака. Плотская любовь тормозит движение к Богу; церковные иерархи в X и XI веках призывают супругов жить как брат и сестра, соблюдая целомудрие; в особенности этот призыв относится к интеллектуалам, посвятившим себя учению. Оскопленному Абеяру незачем вступать в брак; он и не мистик: смысл его жизни заключается в работе. Ему это известно, но сможет ли понять его Элоиза, пожертвовавшая ради него всем?

Копия, сделанная Иоханнесом де Веприа, полна тайн. Неизвестно, были ли «Письма двух любовников» собраны в правильном порядке. Неизвестно, когда, как долго и в какой обстановке проходили их встречи. Почему столько вопросов осталось без ответов, столько необъяснимых пауз? Тем не менее переписка возобновилась, и была она как никогда страстной; Элоиза

писала чаще, чем Абеляр; немногословный любовник утверждает, что нашел покой; тогда как любовница самодовольно подражает супруге из Песни песней: «Только тебя я любила; любя тебя, тебя искала; ища тебя, нашла, найдя – возжелала тебя; возжелав тебя, я тебя выбрала; ты занял главное место в моем сердце, я избрала тебя из тысячи. <...> Хочешь ты того или нет, ты мой и будешь моим всегда».

Они пишут друг другу, читают письма друг друга, но понимания между ними больше нет. Слова перестали быть мостами, соединяющими их. У Абеляра случаются перепады настроения – вокруг него хаос, его обуревают противоречивые эмоции – желание, скука, радость. Элоиза, в отличие от мятущегося возлюбленного, «бросающего слова на ветер», старается быть «непреклонной и неумолимой». Любовник не защищается; думая о недавнем счастье, он признает за собой вину: «Любовь и стыд рвут меня на части!» Несмотря на то что в начале XII века требования целибата и целомудрия были еще не до конца сформулированы, Абеляр оказался в затруднительном положении: магистерское звание требует от него строгого соблюдения моральных норм, а о его связи всем известно. Если он хочет сохранить свой престиж, ему необходимо положить конец распространению слухов.

Важнейший момент, к сожалению, недоступен читателю: монах, переписывавший рукопись в 1474 году, сообщает о большом количестве пропусков в письмах 1117 года. Может быть, Элоиза предпочла не переписывать все восковые таблички. Во всяком случае, их последние письма друг к другу удивляют; называя мужа и преподавателя «учителем», молодая женщина как бы подтверждает, что она счастлива видеть его знаменитым, служащим Богу и наконец нашедшим убежище от забот этого мира. Она признательна ему за добро, которое «в своей ничтожности» получила от него. Ее радость невыразима, ее дух ликует. Но что это за радость? У Элоизы, обладающей разнообразными достоинствами, нет однозначного ответа на сей вопрос: это радость от освобождения духовной любовью, радость оттого, что любимый находится в добром здравии, радость видеть его, радость от возможности познать его любовь, но еще в большей мере – восхищение, вызванное рождением сына, названного Астролябием. В автобиографии Абеляр утверждает, что, узнав о своей беременности, Элоиза «возликовала». Думала ли она о ликовании Девы Марии? Или надеялась удержать Абеляра?

В следующем письме тон неожиданно меняется, как если бы эта радость не смогла преодолеть противоречия, терзавшие любимого: «Я устала и не могу ответить тебе: мои нежности для тебя – тяжелое бремя, и это печалит меня». В последнем послании, вошедшем в сборник, он признает, что не находит успокоения, потому что по-прежнему одержим ею, раздираем противоречиями, побежден: «Отказываясь поддерживать огонь страсти, мы лишь разжигаем его».

Необыкновенная биография

Книга «История моих бедствий» написана около 1130 года, спустя двенадцать лет после описываемых событий. В ней в хронологическом порядке изложены перипетии, на фоне которых влюбленные обменивались письмами. После недолгого пребывания в аббатстве Сен-Дени, которое он вынужден был покинуть из-за враждебного окружения, в 1122 году Абеляр основал в Шампани маленький скит, посвященный Святому Духу. Несколько лет спустя он принял обязанности аббата в монастыре Сен-Жильда-де-Рюи, находящемся в его родных местах, на берегу залива Морбиан, и предложил Элоизе перебраться туда, чтобы вести монашескую жизнь и молиться Святой Троице; она будет аббатисой, а он, основатель скита, – ее духовным наставником; они будут любить друг друга во Христе. В 1135 году Абеляр вернулся в Париж.

Несмотря на то что он был плохо приспособлен к строгим порядкам общинной жизни, любовник Абеляр стал искренним, трудолюбивым монахом. В монастыре он обрел аскезу и уединение, в которых нуждался для восстановления репутации; он посвятил жизнь труду и молитве. Произошедшие в нем изменения не подлежат сомнению: «История моих бедствий»

вышла в свет в момент, когда интериоризация религиозной жизни стала сопровождаться новой – личной – практикой, исповедью; диалог со своей совестью стал моральным критерием, весьма далеким от преискуранта грехов, популярного в предыдущие века. Абельяром, испытывавшим потребность рассказать свою историю, двигала необходимость оправдания, желание обессмертить свое имя: мы видим честолюбивого интеллектуала, заботящегося о защите своих идей и стремящегося изменить общество; но мы видим также и верующего человека, сознающего свою вину и тревожащегося о спасении своей души: его рассказ должен послужить примером, и свои слабости он описывает с нескрываемой искренностью.

Покаяние требует, чтобы все гнусности, совершенные грешником, были выставлены на всеобщее обозрение. На исповеди ничего нельзя утаивать. Абельяр предстает наглым и циничным соблазнителем, сознательно втянувшим в свои сети невинную юную девушку, стремившуюся к самосовершенствованию. Он понимал, что она не сможет устоять. Он – голодный волк в овчарне. Подробный рассказ его полон непристойностей. Абельяр признает, что по ночам предавался сладострастию, а днем преподавал и что для удовлетворения своих страстей не останавливался ни перед чем, включая угрозы и телесные наказания: «Мы делали все, что только может изобрести любовь». Шли месяцы, эротическая страсть становилась все острее; в перерывах между уроками учитель писал любовнице страстные письма. Он продолжал ее преследовать и в Аржантее, куда Элоиза удалилась после брака, и за неимением места, где можно было бы скрыться, они удовлетворяли свою страсть в трапезной. Месть дяди, конечно же, была чудовищной, но наказание Абельяра признает заслуженным. Вспоминая в подробностях силу плотской любви, в своей исповеди он настаивает на благородстве возлюбленной; это он втянул ее в грех. Приняв постриг, она стала Христовой невестой; их души были спасены.

Абельяр целиком и полностью изменился. Отныне он искупает свою вину. Он посвящает себя обучению бедняков, философии и любви к Богу, теперь он далек от соблазнов плоти: лишенный мужского естества, кому он теперь страшен? Его известность возросла, его уроки теологии и свободных искусств привлекают большое количество учеников. Однако он оказался в центре конфликтов между аббатствами и церковными властями, и его успехи, смелые высказывания, заносчивость стали вызывать зависть и ненависть многочисленных коллег. «Трактат о Троице» Абельяра, признанный его соперниками на Суассонском церковном соборе (1121) противоречащим вере, был брошен в огонь без всякого обсуждения.

Желчь и горечь

Наконец и Элоиза открыла для себя «Историю моих бедствий», историю их отношений, замешенную на «желчи и горечи» и так жестоко сделанную достоянием публики. Она полна негодования; версия любовника, оскорбляющая воспоминания девушки, вызывает у нее потоки слез. Была ли она любима или же только физически желанна? Что же, для него это было лишь сладострастие, тогда как она отдавалась телом и душой и видела в их союзе «блаженство вечной юности»? Была ли она Евой, манипулируемой дьяволом и протягивающей яблоко, презренной искусительницей, сбивающей с пути истинного даже мудрецов? Абельяр бесстрастно переписал их историю, сделав многочисленные ссылки на Библию. Элоиза же, со всей своей религиозностью, в ответ на это описала свои чувства в том виде, как она их испытывала и продолжает испытывать; чувства, которых Абельяр, видимо, не понял. Она – женщина из плоти и крови, которую обожание, любовь и самоотречение подняли до этой «истинно возвышенной любви» (*vera dilectio*), за которую ей не стыдно.

Как могла она каяться? Она без всякого принуждения и не таясь полюбила своего «учителя», который был одновременно ее мужем и повелителем: она отдалась ему, не ожидая в ответ ни богатства, ни брака, ни договора, и была готова называться куртизанкой, конкубиной или даже шлюхой, но не супругой! Чтобы быть чистой, любовь не нуждается в супружеской

связи. Ее сердце следовало за любимым. Чтобы избежать развода, поскольку он не мог расстаться с ней без ее согласия, Абеляр попросил ее постричься в монахини, что она и сделала «по его приказу»: «Я стала монахиней только лишь по твоему решению»; таким образом, это было не ее призвание, но воля ее «мужа», направившего ее по нелегкому пути монастырской жизни. Неужели он так мало доверял ей, что решился на такое принуждение? «Ты боялся, что я, как Лот, оглянусь назад, и поэтому заставил меня первой постричься в монахини? Ты вручил меня Богу до того, как постригся сам. Я сознаю твое недоверие, оно вгоняет меня в краску и заставляет ужасно страдать».

Элоиза не может, не желает отречься от своего прошлого; она мучается из-за этого искалеченного мужчины, жестоко наказанного за то, что любил ее. Она думает только о нем, об угрозах со стороны врагов и о подстерегающих его опасностях. Кто-то прославлял ее кротость? Восхищался ее целомудренным поведением? Но все ложь, она не излечилась. Рыдающая лицемерка, притворщица, она не способна на раскаяние, ей кажется, что ее сердце закрыто для милости, потому что она думает только о том, чтобы угодить Абеляру, тем самым удваивая оскорбление, наносимое Богу: «В моем бедном сердце нет раскаяния, и я не могу угодить Богу». Даже во время мессы, когда она молится, мысли ее не чисты: «Мое воображение захватывают непристойные видения»; даже во сне ее преследуют сладострастные воспоминания и пробуждают желания: «И в постели я не нахожу покоя». Абеляр день и ночь присутствует в ее мыслях: «На этом свете меня держит только сознание того, что ты живешь».

Израненное сердце Элоизы горячо протестует, и этот протест сквозит в письмах, написанных после 1132 года; теперь она обращается не к супругу-любовнику, но к «Учителю», который является ее «отцом» благодаря своей учености, «братом» по вере и олицетворяет власть. Бдительная аббатиса, она напоминает ему о его долге перед ней самой и перед сестрами: на него возложена обязанность обучать монахинь-затворниц, вести соответствующий образ жизни, сочинять гимны, которые будет нетрудно исполнять; он же, видимо, пренебрегал своими обязанностями. Когда его не было, Элоиза молила хотя бы о наставлениях, хоть о нескольких словах утешения; мог ли любовник-муж-аббат быть равнодушным? «Как только твое желание угасло, прекратилась всякая демонстрация любви...»

Ответ, который она получила, был ответом удалившегося от мира монаха: отныне он любит свою «сестру» во Христе. Прошное должно быть забыто, потому что единственный настоящий возлюбленный – это Христос. Вина Элоизы не столь велика; из ее одаренности, страданий и борьбы будет сплетен венок святости: «Следуй за мной по пути милости, как шла за мной по дороге греха... скорби вместе со святыми женщинами... Я верю, что твоими молитвами я обрету то, чего моя собственная молитва достичь не может». Они останутся мужем и женой, навсегда разлученными, но мистическим образом связанными. Да будет так.

Роли для истории распределены. Нежность, терпение, кротость, самоотречение делают из величайшей и столь современной для своего века влюбленной женщины истинную аббатису. Ее любит паства и духовенство, ее знание древних языков и благочестие вызывают восхищение. Репутация Элоизы так безупречна, что аббат Бернар Клервоский наносит ей визит. Абеляр же по-прежнему раздираем противоречиями. Его отношения с епископами конфликтны. Аббат Гийом де Сен-Тьерри счел его «Введение в теологию» противоречащим вере и отдал рукопись на суд епископу Шартрскому, затем Бернару Клервоскому; святой Бернар, хранитель традиционной доктрины, мистик и аскет, видит в Абеляре лишь непоследовательного монаха и подозрительного диалектика, который упивается своими же словесными уловками. Церковный собор в Сансе (1140) осуждает трактат Абеляра, в котором он утверждает, что «разум может и должен поддерживать веру», протоколы отправлены папе Иннокентию II. Обвиняемый хочет защитить свою работу и решает лично явиться в Рим. Но противники во главе с Бернаром опережают Абеляра, и его труд приговорен к сожжению на костре. Сам он объявлен еретиком, ему грозит тюрьма, он обречен на вечное молчание.

Именно в это время его приютил аббат Ключи Петр Достопочтенный. Аббатство Ключи, находящееся во владениях герцога Бургундского, не является частью Франции, и обвиняемый будет здесь вне опасности. Заботливый Петр Достопочтенный предоставил беглецу возможность отдаться учению и молитве. Бурная и трагическая жизнь изрядно потрепала Абеяра, здесь он наконец обрел спокойствие, но вскоре тяжело заболел и в 1142 году скончался в монастыре Сен-Марсель недалеко от Шалон-сюр-Сон. Спустя непродолжительное время его тело было перенесено в основанный им скит Святого Духа.

Элоиза пережила его на двадцать два года, храня печаль в своем сердце. Согласно ее воле, она была похоронена в одной могиле с Абеяром. Сегодня их останки покоятся на кладбище Пер-Лашез в Париже.

ГЕНРИХ VIII И ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ ИЗОБРЕТЕНИЕ РАЗВОДА

*Государь,
Скажите, чем же вас я оскорбила,
Чем вызвала я ваше недовольство?
За что теперь, отвергнутая вами,
И ваших милостей я лишена?*

У. Шекспир. Генрих VIII. Акт II, сцена 4¹⁶

Преданная, храбрая, гордая, интересующаяся роскошью лишь постольку, поскольку этого требует ее положение – такова Екатерина Арагонская, в силу различных династических игр и ради интересов государства в 1509 году ставшая супругой восемнадцатилетнего Генриха VIII, только что взошедшего на престол. Она из всех сил старалась услужить супругу, а когда он отправлялся на войну на континент, брала на себя руководство королевством. Однако Бог не дал ей главного – она не смогла родить для Англии наследника престола. Двадцать лет брака и шесть беременностей не спасли ее от унижения и скандального судебного процесса, развода и ссылки.

Что же до Генриха VIII, он – дитя своего времени, горячий и неопытный, им руководили скорее чувства, а не расчет. Он воспитан в традициях Ренессанса, его сформировали литература и искусство. Он вырос в окружении нескольких великих гуманистов и отличался набожностью. Но он был королем: он упивался собственной персоной и властью и испытывал величайшее счастье, когда ему говорили, что его ноги стройнее, чем у французского короля. Его жажда жизни была безгранична и ненасытна. Государство, в котором он царствовал, в ту эпоху было еще небольшим – четыре миллиона жителей; он намеревался превратить Англию в великое королевство и решать европейские конфликты.

Власть ожесточает нравы. Наступивший век был критическим временем для Европы: возникла конфронтация трех молодых монархов, желавших занять в ней исключительное место: это английский король Генрих VIII, король Франции Франциск I и Карл V, король Испании, вскоре ставший императором. Целью королевских браков было не удовлетворение любовных капризов, а создание союзов, которые предотвратят войны, и рождение наследника престола. Одержимый властью, Генрих VIII стремится подавить все, что ему сопротивляется: он коронует своих супругов, затем рубит им головы. По крайней мере первое время его мучает совесть, потому что он беспокоится о своей репутации гуманиста-христианина, католического ортодокса, находящегося в центре лютеранской смуты. Но вскоре непорядочность, цинизм, насилие, жестокость победили страхи. Екатерина Арагонская стала первой жертвой этой драмы, в которой помимо ее судьбы на кону оказались авторитет папы, власть короля, внешняя политика и религиозные и моральные правила английского общества.

Наконец женаты

В этой драме было три акта. В первом акте король Фердинанд Арагонский и королева Изабелла Кастильская отдают свою дочь Екатерину в жены сыну короля Англии Генриха VII Артуру: речь идет об укреплении союза двух королевств, Испании и Англии, для противосто-

¹⁶ Пер. В. Томашевского.

яния французскому влиянию, а вторая выгода этого брака заключается в том, что маленькая Екатерина является сестрой Жанны, матери будущего Карла V. Переговоры о свадьбе начинаются в 1495 году – девочке в ту пору десять лет – и длятся не один год; Англия в то время была второстепенной державой; прежде чем дать согласие на брак, испанские суверены должны выбрать из многих предложений, обдумать приданое, подсчитать расходы на переезд невесты и ее свиты, определить цену дома принцессы: Генрих VII известен своей скарденностью. После долгих переговоров сделка была заключена, и в октябре 1501 года инфанта, которой едва исполнилось шестнадцать лет, сошла на берег в Плимуте. Артур, принц Уэльский, наследник престола, на год моложе невесты и обладает очень хрупким здоровьем. Месяц спустя, 14 ноября, состоялась свадьба. Приданое в виде наличных денег полностью Испанией не выплачено, что раздражает Генриха VII и становится предметом распри. Принца и принцессу препроводили в замок Ладлоу на границе с Уэльсом, где им предстояло начать супружескую жизнь – а это раздражало уже короля Фердинанда, который предпочел бы, чтобы новобрачная осталась в Лондоне.

Но жизнь смешала все карты: четыре месяца спустя, 2 апреля 1502 года, Артур умирает от туберкулеза. По неоднократным заявлениям молодой жены, брак не был consummated, что подтверждала ее дуэнья; испанские король и королева придерживаются этой версии, несмотря на распространяемые при дворе слухи: вроде бы Артур радостно потребовал кружку пива после ночи любви, проведенной в объятиях жены. И вот Екатерина в шестнадцать лет вдова, по всей видимости, девственница, без денег, всеми покинутая, в туманной стране, языка которой она почти не знает. Испанский посол взбесил ее, сказав, что не смог ничего добиться от Генриха VII. Судьба нанесла удар ее гордости.

Тем временем в посольствах началась бурная деятельность. Возник новый план: на Екатерине может жениться Генрих, ставший принцем Уэльским и наследником короны, это решит проблему; конечно, на момент смерти брата ему всего одиннадцать лет, но время терпит, переговоры только начались. Договор был подписан в 1503 году: свадьба состоится, когда Генриху исполнится четырнадцать лет. Так как для брака вдовы с братом покойного, не оставившего наследника, требуется разрешение от папы римского, король Фердинанд в августе 1503 года ходатайствует перед Святым престолом; смерть двух пап подряд задерживает ответ; папская булла прибывает лишь в 1504 году, для облегчения формальностей она датирована задним числом. На неconsummation первого брака, которая, при всех сомнениях, расценивается как «вероятная», особого внимания не обращается; Ватикан настаивает в первую очередь на дипломатической целесообразности союза, укрепляющего дружеские отношения между двумя архихристианскими странами, Англией и Испанией.

Церковь удовлетворена и не задумывается о праве понтифика согласовать разрешение на брак до достижения брачного возраста. В ожидании решения Екатерина живет в полном одиночестве; «жених» не спешит встретиться с ней; у нее нет ни су, чтобы платить жалованье прислуге, а прижимистый Генрих VII не желает брать эти расходы на себя: он пока так и не получил полностью приданое. Екатерина часто бывает больна и пытается обмануть невзгоды, погрузившись в молитвы и аскезу, вплоть до того, что хочет уйти в монастырь; никого не волнует состояние ее души, а она, будучи гордой дочерью великой Изабеллы Кастильской, не склонна к душевным излияниям. Но есть вещи и поважнее. Когда все препятствия на пути к этому браку, кажется, устранены, незадолго до дня, на который назначена церемония (июнь 1505 года), вдруг засомневался юный принц Уэльский: в секретном заявлении, которое он сделал епископу Фоксу, он дезавуирует брачный договор, составленный без его согласия, когда он был еще несовершеннолетним, и заявляет о своих сомнениях по поводу союза с женой старшего брата. Чтобы успокоить его, ему приводят в пример аналогичные случаи и демонстрируют разрешение на брак, выданное папой Юлием II. Сказалось ли здесь влияние отца, желавшего таким образом оказать давление на Фердинанда? Брак снова откладывается; англичане

рассматривают другие варианты альянса с Габсбургами; Генрих VII даже согласен жениться на своей невестке – по крайней мере при этом он сохранит испанское приданое! Надменная принцесса не удостоила его ответом. Ее положение становится все более мучительным.

Внезапная смерть Генриха VII 22 апреля 1509 года в очередной раз смешала карты. Принц Уэльский становится королем Генрихом VIII, что шумно приветствуется народом; планы его женитьбы возобновляются. Генрих писал Маргарите Австрийской, что желает выполнить последнюю волю отца, и 11 июня в скромной обстановке – из-за траура – он женится на Екатерине; 24 июня в атмосфере всеобщего ликования в Вестминстерском аббатстве проходит его коронация.

Брак производит впечатление счастливого. Супруг — светловолосый гигант, веселый, образованный, хороший музыкант, безумно набожный; он любит блеск и роскошь и носит расшитые золотом одежды; праздники, турниры и маскарады следуют один за другим; баловень судьбы, он сознает свою силу и в управлении страной следует указаниям советников отца, Генриха VII. В 1512–1513 годах он с успехом провел первые военные кампании против французов и их союзников шотландцев. Его супруга Екатерина, конечно, может быть недовольна перепадами настроения мужа, его надменностью и раздражительностью, однако старается как можно лучше играть свою роль. Увы, преждевременные роды, случившиеся в январе 1510 года, поколебали жизнь пары. Екатерине всего двадцать пять лет. Годом позже она родила маленького принца, появление которого исполнило отца недолгой радости – младенец умер в возрасте полутора месяцев. Это испытание нарушило мирную жизнь пары. Одни за другими следовали выкидыши и мертворождения; выживет лишь маленькая Мария, родившаяся 18 февраля 1516 года.

Архихристианский король

Во втором акте драмы тучи сгущаются; королева появляется на всех праздниках и церемониях, но она начинает стареть; ее подбородок стал тяжелым, светлые волосы потускнели, она расплнела; венецианский посол ее описывает так: «невысокого роста, полная, лицо открытое и искреннее». Если судить по портретам, она потеряла внешнюю привлекательность. Начиная с 1518 года – ей тогда было тридцать три – она больше не беременела, несмотря на усилия врачей, прибывших из Испании; неудачи в семейной жизни огорчают Екатерину, ее характер, от природы тяжелый, не смягчился, и некоторые даже ставят ей в упрек гордость и смелые политические симпатии к испанцам. Однако уму Екатерины отдается должное: она говорит на нескольких языках, а ее английский заметно улучшился; она умеет в отсутствие супруга управлять королевством так, что в нем царят мир и порядок. Тем не менее она не имеет права голоса: король, не испытывая ни малейшей жалости к материнским чувствам, отбирает у нее дочь, когда той исполнилось десять, и отправляет в Ладлоу – Мария проведет там три года.

Что касается короля, то он потерял свою былую беззаботность, обуреваемый гнев бывает страшен. Предательство Фердинанда Арагонского, заключившего за его спиной альянс с Францией, затем блестящая победа его соперника – Франциска I – в битве при Мариньяно разжигают в нем злобу и ревность; терзаемый амбициями, он вновь и вновь прокручивает в голове нереалистичные воинственные планы. По отзывам современников, он был, конечно, силен, но труслив и недоверчив. После десяти лет брака он по-прежнему не имеет сына; ему известно, что отсутствие наследника мужского пола ослабляет династию Тюдоров, потому что ни одна женщина после Матильды в XII веке не царствовала в Англии единовластно; это ужасает его, он идет к мессе, молится; возможно, это кара небесная, потому что Библия и церковные каноны, согласно Книге Левит, запрещают вдовцу жениться на своей невестке: «Наготы жены брата твоего не открывай» (Лев. 20:21; Мф. 14:4); продолжение еще более обескураживающее: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата сво-

его, бездетны будут они» (Лев. 18:16; Мк. 6:18). Язва на ноге усиливала его раздражительность. Первые слухи о разводе начинают циркулировать в министерских кабинетах в 1514 году. Понадобится немалый талант канцлера Томаса Уолси, архиепископа Йоркского и кардинала, в недалеком будущем папского легата, чтобы затеять тонкую дипломатическую игру заключения союзов и сделать Англию центром европейской политики; Генрих VIII сможет играть триумфальную роль миротворца и защитника веры, о чем он мечтает.

Король в то время становится одним из наиболее стойких защитников католической веры. Его вдохновляет канцлер, который уже видит себя папой римским – надо лишь подождать удобного случая. В некоторых английских университетах победили идеи Лютера; в ответ на это в 1521 году Генрих VIII пишет (или же ему приписывают авторство) богословский трактат о таинствах, в котором обрушивает гнев на протестантскую ересь. Папа Лев X награждает его титулом *Defensor fidei* (защитник веры): отныне он равен «архихристианским королям» и «королям-католикам». Генрих VIII с энтузиазмом принимает при дворе папского легата кардинала Кампеджио, который привез в Лондон папский призыв к крестовому походу против турок. Смирившись с избранием на трон Священной Римской империи Карла V Габсбурга, он уверяет папу в своем рвении в борьбе с неверными и становится, как и мечтал, крупнейшим европейским арбитром в ходе переговоров в Кале между Франциском I и Карлом V. Надо сказать, что поражение французского короля в битве при Павии и его содержание под стражей в Мадриде (1525), затем разграбление Рима имперскими наемниками, заставившее папу скрываться в замке Святого Ангела, несколько изменили равновесие сил в Европе. Под давлением всемогущего канцлера Уолси Генрих VIII начинает проводить политику в пользу французов, наследственных врагов, и встает на сторону понтифика против Карла V.

Великий католик, которым желает быть Генрих VIII, нарушает таинство брака – королям, в отличие от простых смертных, законы не писаны. По-видимому, в 1514 году у него была непродолжительная связь с сестрой герцога Бэкингема, ставшая причиной бурной ссоры с Екатериной. Позже, несмотря на соблюдение тайны, двор узнает о том, что Элизабет Блаунт, фрейлина королевы, доставляет ему радости, которых он больше не получает от супруги; в 1519 году Элизабет родила мальчика, названного Генри Фицроем. У матери отобрали ребенка, а саму ее поспешили выдать замуж. Мальчик воспитывается в соответствии со своим положением, он окружен почестями, получает титул герцога Ричмонда – и почему бы, если он признан отцом, ему не стать принцем Уэльским? Затем, в 1521 году, король берет в любовницы хорошенькую и легкомысленную Марию Болейн, дочь Томаса Болейна, королевского советника. Несколько лет спустя ее в этом качестве сменит младшая сестра Анна. Образцовый королевский брак отныне не более чем фикция.

Екатерина в конечном счете смиряется с изменами мужа; энергичная, она знает, в чем ее интерес. Ей скоро сорок лет, и король больше не приходит к ней в спальню. Ее сила оборачивается слабостью: с рождения она была символом союза Испании и империи и теряет или вновь обретает дружбу короля в зависимости от поворотов политики. Она лишь бесполезный залог теперь, когда Генрих VIII отдалился от Карла V и заключил союз с Франциском I, нравы которого она ненавидит и завоевательной политики которого боится: «Главная причина ее несчастий заключается в том, что она полностью отождествляется с интересами императора», – отмечает Мендоса, новый испанский посол, прибывший в Англию в 1526 году. Она ведет уединенную жизнь, проходящую в молитвах, в окружении шпионов, приставленных к ней королем; испанскому послу, редкие встречи с которым проходят под контролем Уолси, она не доверяет. У упорной и бескомпромиссной королевы есть союзники, но отдаление, на котором ее держит муж, глубоко ранит ее, к тому же она беспокоится о будущем дочери. Тем не менее краткие моменты примирения все еще позволяют ей на что-то надеяться.

Королевское ложе

Анна Болейн, юная сестра легкомысленной Марии, появилась в жизни Генриха VIII, по всей вероятности, в 1525 году; ей чуть за двадцать. Ее предок сколотил состояние на торговле галантереей: став лорд-мэром Лондона, он устроил блестящие партии для своих отпрысков, дав им щедрое приданое, а его потомок Томас Болейн женился на сестре герцога Норфолка, укрепив тем самым свое положение; сначала он отправил старшую дочь Марию ко двору Валуа, в свиту сестры Генриха VIII, и дипломатично предложил ее в жены престарелому королю Франции Людовику XII. Репутация Марии Болейн как особы легкомысленной при дворе, где морали уделялось мало внимания, подтвердилась во времена Франциска I; по возвращении в Англию Мария приглянулась Генриху VIII, который в течение недолгого времени делил с ней любовные утехы.

Совсем не такой была Анна Болейн, младшая сестра Марии. Она научилась вести себя при дворе и постигла тонкости французского языка сначала в Бельгии в свите Маргариты Австрийской, потом, когда ее отец стал послом, при дворе Валуа в окружении королевы Клод. Вернувшись в Англию, она была представлена ко двору. Конечно, это не первая красавица королевства, но она умна, остроумна, воспитанна, артистична и упряма; у нее большие карие миндалевидные глаза, тонкие черты лица, черные волосы, обрамляющие длинную шею, стройная фигура. С точки зрения одних, Анна полна очарования, по мнению других – слишком смугла, худа и кривозуба, а на подбородке у нее бородавка, которую она прячет в воротнике, не говоря уж о таком уродстве, как шесть пальцев на одной руке. Она играет на лютне, а речь ее жива и игрива. По правде говоря, главный ее талант – умение разжечь желание. У нее немало поклонников: за ней ухаживает и даже собирается просить руки лорд Перси, придворный аристократ-соблазнитель, но это предложение отклонено семьей – или же Уолси. Анна отмечает также ухаживания кузена – поэта Томаса Уайета. Страсть Генриха VIII, надо полагать, разгорелась в 1526 году, и Мария была отправлена в отставку.

В этой страсти зарождаются предпосылки англиканской Реформации, а также ее первая жертва королевской крови – Екатерина. Генриху тридцать пять лет, он все еще крепок и красив, хотя на портрете кисти Гольбейна у него хитроватый взгляд и маленький, крепко сжатый рот. Он пишет Анне сладострастные письма; когда она отсутствует, он страдает: «Сердечко мое, когда вас нет рядом, время тянется так долго. <...> Я так мечтаю оказаться однажды ночью в объятиях любимой и целовать ее прекрасную грудь». Хитрая девица поняла, что отказ лишь удваивает страсть влюбленного и игра ей удалась. По-видимому, начиная с 1527 года король поговаривал о женитьбе. Но для этого придется развестись с Екатериной. У Анны мощная поддержка – во-первых, клан Болейн, во-вторых, сторонники союза с Францией против Испании; вскоре к ним присоединятся видные представители духовенства – например, Кранмер, архиепископ Кентерберийский.

Кто же первым выразил сомнения по поводу легитимности брака короля и Екатерины Арагонской? Генрих VIII изучил Священное Писание и разные канонические вопросы и уже некоторое время подумывает, как все обставить; он даже говорил об этом со своим духовником еще до связи с Анной, примерно в 1522 году; во всяком случае, в 1527 году Уолси получает задание проверить законность брака с точки зрения Книги Левит (18:16 и 20:21); это в высшей степени запутанный вопрос, потому что католическая доктрина – не самая очевидная вещь и мнения кардиналов зачастую расходятся. Почти в то же самое время Генрих начинает смущать «помеха», которую может создать его внебрачная связь с Марией Болейн в деле его женитьбы на сестре Марии Анне, и он задумывается о получении папского разрешения на брак. Уолси быстро сообразил, что пленение папы Клементя VII в Риме – удачное стече-

ние обстоятельств для передачи полномочий понтифика конклаву в Авиньоне, и собирався от имени папы объявить на этом конклаве о ничтожности королевского брака.

Королева еще ничего не знает о том, что замышляется. Узнав же, она оценивает опасность и обращается за помощью и поддержкой к племяннику, могущественному Карлу V, и доверяется легату Кампеджио. Екатерина замужем уже около двадцати лет, она знает жестокость и переменчивый нрав короля. Но на этот раз речь идет о ее чести. В Испании честь имеет абсолютную ценность, превышающую ценность жизни и тем более любви, которая вообще не принимается в расчет в подобной ситуации. Если ее брак будет признан недействительным, она, дочь Изабеллы Католички, окажется всего лишь конкубиной, ее дочь Мария – бастардом, ее замужество – инцестом! И этот позор ей придется нести до самой смерти.

Озадаченный папа Клемент VII тратит время. Он категорически отказывается сделать Уолси папским «вице-регентом», и решение, предложенное канцлером, в расчет не принимается; однако папа соглашается с идеей двух легатов, Уолси и старого кардинала Кампеджио, создать комиссию для изучения просьбы о разрешении на брак, выданном в 1503 году папой Юлием II. В глубине души папа против признания того разрешения недействительным: в самом деле, в противоречии с Книгой Левит, Второзаконие позволяет жениться на бездетной вдове брата – в точности таков казус Генриха VIII, и именно эта интерпретация принимается большинством теологов. К тому же, будучи прагматиком, он не желает гневать императора: французские войска стоят в Неаполе, и с момента разграбления Рима поддержка Карла V крайне важна для него. Но времена изменились: Реформация ползет по Европе, и сторонники признания королевского брака недействительным поговаривают, что раздосадованный Генрих может перейти в лютеранство; до этих пор отношения между папой и Англией были хорошими, но монархия католиков Тюдоров с их деликатными проблемами наследования престола должна оставаться сильной.

Одна перед судом

18 июня 1529 года под звуки фанфар с большой помпой в доминиканском монастыре Блэкфрайерс в Лондоне начинается заседание суд папских легатов, призванный разобраться в этом деле. Супруги вызваны в суд, Генрих VIII весь в нетерпении. Екатерина бесстрашна: непреклонность ее веры и гордость очевидны; она знает, что любима народом, и тайная страсть короля к шестипалой обольстительнице начинает вызывать скандал. Однако внутренне она сломлена и понимает, что соперница готова на все. Королевская чета сидит на троне, Генрих VIII первым берет слово. Потом Екатерина, встреченная овацией, бросается в ноги королю и начинает душераздирающую речь в свою защиту: «Сир, умоляю вас во имя любви, которая, возможно, была между нами, и во имя любви к Богу. Пусть мне воздастся справедливость. Будьте милосердны к бедной женщине, иностранке, родившейся за морями. <...> Я носила ваших детей, и не моя вина, если Бог захотел призвать их к себе <...> Бог свидетель, отдаваясь вам, я была девушкой. Опровергните это, если я вру <...> Вручаю свою судьбу Богу». Шекспир в подробностях описал эту сцену, воспользовавшись хрониками, опубликованными примерно в 1533 году и признанными достоверными.

Момент очень драматичный. Нетрудно догадаться, чего стоило гордой Екатерине Арагонской вынести на публику подробности своей интимной жизни. Затронута ее честь. Она требует, чтобы ее дело рассматривалось в Риме непредвзятыми судьями. Пока ей не предоставят этого права, она будет хранить молчание. Она поднимается, делает глубокий реверанс и удаляется из зала. Суд ошеломлен. Напрасно ее просят вернуться, она не изменит своей тактики. Когда шок прошел, свидетели со стороны короля начали давать показания. Генрих VIII занял вызывающую позицию: он сознает свою ответственность перед династией и в ее интересах желает иметь сына. Он лицемерно ссылается на Закон Божий: запрет Книги Левит подпадает

под право помазанника Божьего, и в этом случае папа не может употребить свою власть, таким образом, булла папы Юлия II не имеет силы; с другой стороны, разрешение на его брак сомнительно ввиду того, что в 1503 году ему было всего двенадцать лет. Король не моргнув глазом вычеркивает двадцать лет совместной жизни. Если в 1510 году его сомнения были в какой-то мере искренними, то теперь он полон цинизма; реакция разозленной любовницы, которой он пишет нежные, ободряющие письма, волнует его сильнее, чем гнев Божий. И коль скоро Карл V разорвал союз с ним, его брак с Екатериной больше не оправдан с точки зрения дипломатии.

Проходит месяц. Кардиналы и богословы ведут жаркие дебаты, но дело не движется. Почти все богословы на стороне Екатерины. В конце июля мандат папских легатов истекает, и процесс застопоривается. Папа не сдается; он не может и не хочет не считаться с императором и отказывается признавать развод. Позиция короля ослабела; после подписания в августе 1529 года «Дамского мира»¹⁷ между Франциском I и Карлом V Англия оказалась в изоляции, и Генрих VIII понимает, что перенос его дела на рассмотрение Римской курии подвергает опасности всю его стратегию, чего он желает избежать любой ценой. В своих провалах он винит кардинала Уолси, политика которого стала бесполезной, и не прощает ему этого. В октябре опальный канцлер обвинен в государственной измене за то, что, будучи англичанином, стал папским легатом. У него изъяли имущество, и от дальнейших мук его избавила только болезнь. Раунд – за кланом Болейн. Канцлером назначен Томас Мор.

Королева больше не выходит из своих покоев; она не появляется на праздниках, но сопровождает короля в торжественных случаях. В глубине души больше не веря в искренность супруга, она пока не теряет веры в правосудие: она может рассчитывать на помощь племянника, возмущенного Карла V, и вручает свою судьбу в руки папы, единственного Викария Божьего, который имеет право судить духовные дела, к коим относится брак. Что же до Анны Болейн, то ее положение весьма незавидно. Страсть короля к ней не стихла, но замужество в очередной раз откладывается, и она начинает роптать.

В дело вступает дипломатия. Порвать с папой? Поначалу Генрих VIII хочет этого избежать и пытается обойти препятствия, мобилизуя всех своих сторонников; первая часть его плана заключается в том, чтобы напугать епископов и церковников – противников развода – угрозами ограничить им привилегии; на следующем этапе он хочет убедить англичан в том, что его развод – дело не папской юстиции, а английской. Недовольство светских лиц расширением юридических полномочий духовенства возникло не вчера, и обстановка сложилась в пользу короля. В начале 1530 года горячую поддержку королю начинает оказывать Кранмер, связанный с Болейнами. Он предлагает королю воспользоваться отсрочкой заседаний папского суда и проконсультироваться в разных университетах – Оксфорде, Кембридже, Париже, Тулузе, Болонье, а также в императорских и протестантских университетах: Кранмер рассчитывает заменить их мнениями папские решения или, по крайней мере, повлиять на них. Специалисты в области канонического права проделывают великолепную работу, те же из них, кто на стороне Рима, испытывают разного рода давление. «Большое дело» оказывается темой международных дебатов; в юридической сфере переосмысливаются теологические и духовные вопросы: стоит ли понимать Священное Писание как «источник вдохновения» или же как «догму»? Может ли папа навязывать «вечные истины»? Реакция папы последовала незамедлительно: в январе 1531 года Рим категорически запретил университетам высказывать свое мнение.

¹⁷ Камбрейский мир – мирный договор, заключенный 5 августа 1529 года между Франциском I, с одной стороны, и императором Карлом V – с другой. Его часто называют «Дамским», поскольку в подготовке этого договора большую роль сыграли женщины – мать Франциска I Луиза Савойская и тетка императора Маргарита Австрийская. – *Примеч. пер.*

Двоеженец?

С исчезновением Уолси Рим потерял союзника, и Генрих VIII хочет поскорее со всем покончить. Делая вид, что его заботит законность происходящего, он подумывает о значительном реформировании духовенства, после чего прибегает к хитрой стратегии, которая в конечном счете приведет к расколу: его защитники на основании каких-то смутных доказательств, найденных в старинных манускриптах, утверждают, что его брак – в чистом виде национальное дело и не касается Рима. Задача очевидна: Генрих VIII хочет отстранить папу от своего развода: он – единственный хозяин в королевстве, ответственный за своих подданных. На заседании парламента он горячо обвиняет духовенство; его речи призваны запугать строптивых прелатов. В феврале 1531 года на Ассамблее духовенства (местном церковном соборе) делается предписание признать короля в качестве «единственного защитника» и «верховного главы» Церкви. Очередной шаг сделан в следующем году, когда вышел запрет собирать аннаты (налог в пользу Рима). Уступая скрытой угрозе, церковный собор голосует за подчинение этим указам, и в марте 1532 года каноническое право, как и парламентское, переходит под контроль короля. Ассамблея отныне будет собираться лишь по приказу короля, который сравнивается с библейским патриархом; епископы подчиняются ему и приносят клятву верности. Власть короны утверждается перед лицом папства, и позже Томас Мор уходит в отставку; налицо раскол. Парламент запрещает подавать жалобы в Рим. Величественная королева не уступает давлению – ни жестокому, ни мягкому – и продолжает взывать к папе. Страна в целом настроена к разводу враждебно, и, когда король едет в карете по городу, раздаются крики с требованием не изгонять Екатерину.

В марте 1533 года, несмотря на некоторые протесты, церковный собор выносит вердикт: согласно божественному закону, союз Екатерины с зятем недопустим, и папа не имеет права давать разрешения на такой брак. Архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер в монастыре, расположенном в шестидесяти километрах от Лондона, тайно начинает процесс, на который королева не является; в мае 1533 года в ее отсутствие провозглашается недействительность королевского брака. Королевы Екатерины больше нет. Резиденция двора – Виндзор, а ей предписано удалиться в замок Кимболтон, старинное владение Уолси, и запрещено видаться с дочерью. Конец драмы. Вполне возможно, что Томас Мор и Томас Кранмер могли пойти на переговоры и выход из кризиса в конечном счете был бы более мягким, но их последователь Томас Кромвель не знает пощады.

Реплика Клементя VII не заставила себя ждать: если король не вернется к законной жене, пока курия не произнесла своего мнения, его будут судить заочно и отлучат от церкви. 25 марта 1534 года курия выносит решение: брак Екатерины абсолютно законен. Генрих VIII и Анна Болейн отлучены от церкви, признаны виновными в адюльтере и незаконном сожителстве. Между Римом и Лондоном происходит решительный разрыв. Акт о главенстве освобождает короля, «верховного главу англиканской церкви на земле», от обязательств перед папой; он получает право пресекать ереси и отлучать от церкви; каждый взрослый человек должен принести клятву верности ему, а не иностранным властям; жалобы в Рим запрещаются. Парламент голосует за Акт о наследовании престола, аннулирующий первый брак короля, и лишает детей права на корону.

Генрих VIII не стал ждать ответа Клементя VII на запрос о недействительности брака и поступил как хотел: 25 января 1533 года в сугубо частной обстановке он женился на беременной в тот момент Анне Болейн. Готовится грандиозный праздник: турниры, балы и празднества должны прославить рождение мальчика. Увы, родившийся младенец – всего лишь девочка, названная Елизаветой. Так вот история иногда возвращается бумерангом: у Анны случились два выкидыша в 1534 и 1536 годах. Не кара ли это небесная за то, что Церковь освящает неза-

конное сожительство короля? Вскоре у него появилась новая любовница, а Анна лишилась его расположения.

Екатерине не суждено увидеть трагический конец своей соперницы: 7 января 1536 года она умирает от рака. До самой смерти она опровергала полномочия архиепископа Кентерберийского и вела себя как королева – благо сторонников у нее было достаточно. В том же году 17 мая Кранмер объявил о разводе Генриха VIII и Анны Болейн под предлогом того, что до Анны у короля была связь с ее старшей сестрой; на завтра Анна, обвиненная в супружеской измене, была казнена. А в конце месяца, 30 мая, Генрих VIII сочетался законным браком с Джейн Сеймур.

Отныне расторжение брака признается англиканской церковью. На фоне ширящейся Реформации в Европе Генрих VIII остался в своем роде «защитником католической веры», сохранив три таинства – крещение, евхаристию (причастие) и исповедь (покаяние) – и исключив брак. Претворять в жизнь англиканство предстоит в конце века королеве Елизавете.

ФРАНСУАЗА ДЕ РОГАН И ЖАК ДЕ НЕМУР ПУБЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ

*Неведомое бесчестье лучше, чем честь, опозоренная во мнении
окружающих...*

Мигель де Сервантес. Сила крови

*О тщетные надежды и желанья!
О вздохи, слезы, вечная тоска!
Из глаз моих бегут ручьи, река,
Блестя, рождается от их слиянья.*

*Луиза Лабе. Сонеты*¹⁸

Одежды эпохи Возрождения позволяют увидеть лишь лицо и руки; Франсуаза де Роган, закованная в тяжелое платье, что заткано драгоценными камнями, пытается сохранить лицо. Статус фрейлины королевы Екатерины Медичи вызывает у нее чувство гордости, но обязывает улыбаться, вести приятные беседы и танцевать, что она и старается делать. Сегодня, 6 января 1557 года, двор собрался в замке Сен-Жермен на праздник поклонения волхвов. Король приглашает Франсуазу на бранль с подсвечниками, потом передает ее в руки молодого дворянина – танцевать гальярду¹⁹. Франсуаза танцует весь вечер. Она родовита, приходится двоюродной сестрой Жанне д'Альбре, королеве Наварры, и, хотя бретонская ветвь Роганов обеднела, Франсуазу любят при дворе за приятные манеры и благородное происхождение.

Только очень опытный глаз заметил бы, что девушка держит горящую свечу без своего обычного изящества. Генрих II прошептал коннетаблю де Монморанси, что салфетка на груди сидящей по левую руку от него Франсуазы как-то странно «приподнимается», и стал за ней наблюдать. По окончании праздника король, проводивший ночь в спальне королевы, поделился с ней своими сомнениями; слухи при дворе распространяются быстро. Многие заметили, что одежда господина де Немура тех же цветов, что и платье Франсуазы, и что он все вечера до глубокой ночи не отходит от нее. Королевский двор – не монастырь, дамы без страха делают авансы мужчинам, а замужние женщины, не задумываясь, обманывают мужей. Однако распутство девственницы влечет за собой в тысячу раз более тяжкие последствия: по словам Брантома, «потеря девственности, этой драгоценности, вызывает скандал, девицу смешивают с грязью и показывают на нее пальцами, удачное замужество ей заказано». Королева Екатерина очень сурова в том, что касается морали; чтобы развлечь своего августейшего супруга, она составила свою свиту из самых красивых и честных девушек – французских аристократок, которым полагается вести «умные и скромные разговоры»; дворянину, который вдруг забудет о приличиях, тут же пригрозят, и он будет изгнан из ее приемной.

Ранним утром 7 января Екатерина Медичи и старая фаворитка короля Диана де Пуатье пришли в спальню к Франсуазе, и Диана сунула руку под одеяло. Никаких сомнений, девица беременна. В ответ на расспросы она сказала лишь, что монсеньор де Немур в алькове предложил ей руку и сердце и что их союз будет торжественно отпразднован немного позже; конечно, она не подумала спросить родительского благословения, как того требуют законы королевства, но если будущие супруги согласны вступить в брак и если фактически брак состоялся, то этого достаточно, чтобы Церковь признала подобный союз законным.

¹⁸ Пер. Э. Шапиро.

¹⁹ Бранль, гальярда – старинные французские танцы.

Женаты, не женаты? Пока церковный собор не огласил новые законы, правила церкви достаточно расплывчаты. Однако светские законы предельно ясны: если жених и невеста не выполняют обязательные требования торжественного оглашения предстоящего брака и если союз не был благословлен приходским кюре и зарегистрирован, такой брак не признается законным. Согласно королевским указам от 1556 и 1557 годов, мужчины не могут вступать в брак без разрешения родителей до достижения тридцати лет, женщины – до двадцати пяти, а о беременности следует сообщать во всеуслышание. Судьба Франсуазы, таким образом, оказалась в руках судей. Но кто эти судьи? Начинается один из самых громких процессов эпохи Возрождения, речь в котором пойдет вовсе не о чувствах, а в первую очередь о законах, чести и оскорблении.

Крепость, которую надо взять штурмом

В 1555–1557 годах Жак де Немур и Франсуаза де Роган безумно влюблены друг в друга. Им было соответственно двадцать четыре и двадцать один год. Жак принадлежит к младшей ветви герцогства Савойского. Его отец Филипп Женевский стал герцогом Немурским благодаря женитьбе на Шарлотте Орлеанской, вассале короля Франции и герцога Савойского. Жак вырос в замке Анси и при французском дворе. Он прирожденный соблазнитель, его побед не счесть – и он их не скрывает; мы знаем, как он выглядел, благодаря портрету кисти Корнеля де Лиона. Из-под небольшой шляпы с пером на нас смотрят чуть миндалевидные глаза, черты лица тонкие и правильные, идеальный овал лица обрамляет небольшая бородка. Он прекрасно скачет верхом, ловко играет в мяч, а еще музицирует и великолепно танцует. С пятнадцати лет он участвует в сражениях, проявляя чудеса храбрости. В 1556 году герцог де Гиз назначил его полковником инфантерии в ходе Итальянской кампании. Его репутация такова, что молодые дворяне мечтают сражаться под его командованием.

Немур не просто в моде, он законодатель моды. Молодые люди копируют его манеры. Согласно инвентаризации, проведенной в 1549 году (ему в это время восемнадцать лет), у него пышный гардероб: расшитые золотом панталоны и камзолы, вышитые воротники рубашек, обувь из ярко-красного атласа, из шитых золотом и серебром тканей, из вышитого бархата, ножны для шпаги под цвет одежды. Было также много маскарадных костюмов и бархатных масок. В более поздней описи указывается целый набор шпаг, кинжалов, кортиков и сабель. Этот красавец любит оружие, роскошь и красоту, в особенности женскую. Брантом приписывает ему успехи на поприще соблазнения женщин в той же мере, что и успехи в ратном деле: «Я слышал его рассказы о любовных приключениях: он говорил, что лучшее средство добиться любовных побед – это смелость, и кто будет смел, тот обязательно возьмет любую крепость, и что таким образом он завоевал множество женских сердец, с полсилы, играючи». И добавлял, что эти дамы уходили с вечерней службы в церкви, лишь бы увидеть, как он играет в мяч!

Есть ли у него сердце? Брантом высказывается в духе своей эпохи: женщина – это крепость, которую надо взять. Галантные отношения формируют мужчину, который умеет воспользоваться случаем и завоевать сердце как публичной девки, так и аристократки; клятвы верности даются скорее в романах, нежели в реальной жизни, и новизна – часть получаемого удовольствия. Что же до брака, то это прежде всего сделка между двумя семьями, в которой учитываются положение в обществе, престиж, состояние и политические интересы; жизнь пары может сложиться гармонично, если супруги подходят друг другу, но никому и в голову не придет требовать любви.

Что же до Франсуазы, то она входит в «летучий эскадрон» королевы – кортеж из родовитых красавиц, очарование которых притягивает к королевской чете важных политических деятелей. Она выросла в мрачном замке Плесси-ле-Тур вместе со своей кузиной Жанной д'Альбре и, как и вся семья, исповедовала кальвинизм. В возрасте семнадцати лет она была помолвлена

со своим кузеном Луи де Роганом, но помолвку расторгли из-за неясного будущего. После этого мать Франсуазы Изабелла д'Альбре отправила дочь ко двору Екатерины Медичи. За ней приглядывала мадам де Коссе, добродетельная вдова. Франсуаза сближается с Жанной Савойской, сестрой Жака де Немура. Из-за постоянных переездов королевского двора Франсуаза и Жанна часто живут в одних апартаментах. Таким образом, у молодых людей существует масса возможностей для встреч. В январе 1555 года Жанна выходит замуж за графа де Водемона, но замужество не помешало ее дружбе с Франсуазой.

Франсуаза – девушка сдержанная и серьезная. Эти качества при фривольном дворе ценятся и даже возбуждают. Мадам де Коссе, убежденной в разумности подопечной, не за что порицать эту изысканную дружбу. Каждому заметно, что Немур, играя в мяч, несколько сбавляет темп, когда Франсуаза появляется у окна галереи. Он любит беседовать с девушкой; во время охоты на оленя их лошади скачут бок о бок; он даже получает разрешение посетить ее накануне отъезда в Пьемонт, где идет война; покидая комнату красавицы, он задерживается и избегает встречи со стражей. О чем он говорил ей? Его речи достаточно нежны и убедительны, чтобы Франсуаза поверила, что между ними существует привязанность; она получила в подарок зеркало из горного хрусталя, скрепившее их союз.

За маской рафинированной вежливости нравы общества остаются грубыми; острая шпага, громкое имя, красивое лицо дают право практически на все. Немур с легкостью убеждает Франсуазу в чистоте своих намерений, и мадам де Коссе не осмеливается вмешаться. Назавтра он отбывает на войну; возможно, он думает, что девушка его забудет. Действительно, осторожная Франсуаза не отвечает на его письма; до нее дошли слухи, что ее возлюбленный не остался равнодушным к прелестям молодых итальянок и что поговаривали о его женитьбе. Мечтает ли Немур о Лукреции д'Эсте? Или уже тайно влюблен в ее старшую сестру Анну, супругу герцога де Гиза? Эти дамы представляют богатую и могущественную семью герцогов Феррарских. Немур может претендовать на самую блестящую партию, женитьба на богатой невесте сделает из него важного сеньора и даст соответствующие средства. Тем не менее, вернувшись с войны в Пьемонте, он спешит в Блуа, где в это время пребывает королевский двор, и их отношения с Франсуазой возобновляются как ни в чем не бывало. На публике он любезничает с мадемуазель де Роган, носит и предписывает своим слугам носить ее цвета – синий и фиолетовый; он так усердствует, что Екатерина Медичи считает своим долгом спросить молодого человека о его намерениях. Немур не отрешивается: да, он подумывает о женитьбе, но не сейчас, а попозже, ему нужно время, чтобы привести в порядок свои дела; королеву такой невнятный ответ не устраивает, и она запрещает воздыхателю посещать спальню фрейлины. Мать девицы, Изабелла д'Альбре, предупреждена и тотчас же вызывает дочь в Бретань, чтобы там выдать замуж.

В XIX веке историк династии Валуа Эктор де ла Ферьер обнаружил в архиве манускрипт и в 1885 году вместе с прочими документами эпохи опубликовал его. Речь в рукописи идет о последнем вечере влюбленных перед разлукой. Видя, что возлюбленная – или добыча – ускользает из его рук, Немур торжественно произносит долгожданные слова: «Клянусь честью, я беру вас в жены; скажите же, что вы согласны взять меня в мужья». – «Я беру вас в мужья», – шепчет Франсуаза. Горничные, которые находились здесь же, в спальне, слышат эту данную друг другу клятву.

Альковные тайны

Франсуаза отсутствует около года; в апреле 1556 года она возвращается в свиту королевы, в Блуа. Немур снова рядом с ней, внимательный как никогда; его вечерние визиты затягиваются за полночь. На фоне настойчивости влюбленного протесты мадам де Коссе ничего не значат; у красноречивого Немура великолепный аргумент: чем скорее они перейдут к интим-

ным отношениям, тем скорее смогут пожениться. Дверь спальни молодой женщины открыта для него; горничных попросили не мешать, а мадам де Коссе, посвященная в тайну и принужденная молчать, пока не будет назначена дата официальной брачной церемонии, закрывает глаза на происходящее. Позже Брантом шутливо опишет едва освещенные дрожащим пламенем факелов огромные залы, где угадывается «щель между темной кроватью и стеной, почти незаметная для тех, кто греется у огня»...

Стоит ли Франсуазе беспокоиться? Немур просит ее хранить молчание: «Умоляю вас, никому не говорите о том, что происходит между нами, это может навредить нам с вами. <...> Говорю вам: никому на свете – ни королю Наваррскому, ни вашей матушке; мы с вами оба очень молоды, надо подождать немного». Проходят месяц за месяцем; пара хранит свою тайну. Именно тогда, в ноябре, король приказывает Немуру присоединиться к армии герцога де Гиза и отправиться в Италию. Возвращение в реальность очень жестоко. Любовник должен покинуть возлюбленную, которая тревожится все больше и больше; он клянется ей в верности, обещает скоро вернуться: «Разве я не муж ваш?» Но внутренний голос говорит молодой женщине совсем другое, и она не скрывает грусти. Ожидание, надежда, разочарование, письма, которые то наполняют ее радостью, то заставляют заливаться слезами, страх перед королевой, грозные глаза которой вскоре заставят дрожать ее дочь Марго, выговоры ужасной кузины, королевы Наваррской – Франсуазе кажется, что все вокруг противится ее счастью. Время идет, а Немур не возвращается; письма его туманны, полны красивых фраз. Ей все труднее скрывать беременность. Так продолжалось до дня Богоявления 1557 года, когда правда открылась. Девушка де Роган беременна на седьмом или восьмом месяце.

По мнению короля, тайну следует скрывать как можно дольше, однако Екатерина Медичи ужасно разгневана. Ее вердикт не подлежит обсуждению: Франсуаза должна уехать к матери, которая находится у Жанны д'Альбре в замке По; во избежание скандала рожать ей следует у кузины. Молодая женщина сначала делает остановку в Вандоме, где к ней присоединяется муж королевы Наваррской, Антуан де Бурбон. Первый принц крови Антуан де Бурбон – человек покладистый, слабохарактерный, переменчивый; он отказывается отсылать прислугу Франсуазы и старается быть ее надежным защитником. Немур тем временем воюет в Италии и, по слухам, вынашивает идею женитьбы на Лукреции д'Эсте. Получив письмо короля с требованием объяснений, он вместо себя отправляет господина де Карнавале с просьбой что-нибудь придумать.

24 марта 1557 года Франсуаза в замке По в присутствии Жанны д'Альбре рождает мальчика Анри. Несмотря на репутацию суровой женщины, королева Наваррская проявила добросердечие. Может быть, она вспомнила детство, которое они провели вместе в замке Плесси-ле-Тур? Или же волнение, которое испытала, родив в 1553 году сына, будущего короля Генриха IV? Скорее всего, это был голос крови. Она решительно встала на сторону Франсуазы. Извещенный о рождении мальчика Немур не двинулся с места: он больше не намерен ни жениться на девице Роган, ни признавать ребенка.

Разразился грандиозный скандал, затронувший дома Роганов и д'Альбре, – об интриге знал весь двор. Жанна д'Альбре настроена воинственно: она вознамерилась расшевелить партию гугенотов, чтобы заставить Немура уступить и признать ребенка. Франсуаза тем временем без колебаний стала называть себя мадам де Немур и решила дать наследнику титул принца Женевского. Она пока не думает о том, чтобы подать на любовника в церковный суд, но ее иллюзии исчезают одна за другой.

В сохранившихся текстах ничего не говорится о чувствах главных действующих лиц этой истории. По-видимому, Немур никогда больше не делал попыток увидеть бывшую любовницу – так проще было избежать объяснений. Чтобы оценить всю меру последовавших в этой истории отчаяния и ненависти, придется опираться на существовавшие в то время научные сочинения о любви и взаимоотношениях полов. Двумя годами ранее, в 1555 году, любитель женщин

Франсуа де Бийон опубликовал труд, украшенный виньетками, под названием «Неприступная твердыня женской чести» («Le Fort inexpugnable de l'honneur du sexe féminin»), в котором, как заправский психолог и знаток своей эпохи, рассматривает любовные измены: покинутая любовница «начинает ненавидеть некогда любимого мужчину». Франсуаза исполнена негодования, но держит себя в руках; слезы высохли, она будет биться до конца, чтобы получить желаемое удовлетворение.

Однако ситуация складывается не в ее пользу: эпоху сотрясает соперничество кланов, обостренное религиозными конфликтами между протестантами и католиками. Растет могущество семьи Гиз: ярый католик герцог Франсуа де Гиз, национальный герой, только что отбил у англичан Кале и занял Люксембург; как союзник герцога Савойского он принял под свое покровительство Немура, который вскоре стал его правой рукой. Жанна д'Альбре, заручившись поддержкой своего мужа Антуана де Бурбона в борьбе с Гизом, защищает дело протестантизма; на кону ее авторитет, вместе с ней – вся партия гугенотов, полагающая своим долгом считать Жака де Немура законным супругом Франсуазы де Роган. Но обстоятельства против них. Вскоре после заключения Като-Камбрезийского мира²⁰ с большим размахом празднуется свадьба дочери Генриха II и Филиппа Испанского, призванная скрепить примирение этих двух стран; во время турнира в глаз королю попадает щепка от копья, он падает и десятью днями позже, в июле 1559 года, умирает. Его сын и наследник, пятнадцатилетний Франциск II, превращает Гизов в хозяев Франции. Со смертью Генриха II Франсуаза лишилась справедливого судьи, который мог бы ее поддержать. Отныне политические события дадут Жаку де Немуру неоспоримое преимущество.

Унижение

Два года спустя после рождения сына Франсуаза больше не строит иллюзий: любовник к ней не вернется. Набравшись мужества, в феврале 1559 года она решает вернуться ко двору и подает прошение в церковный суд о признании брака состоявшимся. Молодая женщина пока не очень беспокоится, у нее множество свидетелей, бывших в курсе существующей между ней и ее любовником связи; конечно, ее положение не блестяще, потому что приходится признать собственную несостоятельность и бесчестье, однако важен лишь результат: возможно, тем самым она помешает свадьбе Немура и Лукреции д'Эсте, о которой поговаривают вокруг. Поскольку дело не продвигалось, в марте 1560 года она вызывает Немура в суд. У нее влиятельные союзники, например первый принц крови Антуан де Бурбон, который мог бы занять видное место в государстве, но, к несчастью, он нерешителен и склонен приспособливаться к ситуации. Антуан как будто верит в успех дела, по крайней мере, вот как он пишет своей жене Жанне д'Альбре: «Я не нахожу, что дела так уж плохи, как о том говорят; надеюсь, что все пойдет лучше и что господин де Немур не будет столь низок, что откажется от обещания жениться. До тех пор, пока от Немура не поступит каких-то новостей, мы будем считать Франсуазу его женой, относиться к ней без всякого презрения и позволим жить у нас» (1560). В следующем письме он добавляет, что использует все имеющиеся у него средства и «ничего не пожалеет», чтобы восторжествовала справедливость и честь девушки была спасена.

Франсуаза предъявляет свидетелей уже весной 1559 года. Немур, которому предстоит давать объяснения представителям парижского епископа, переходит в наступление. Он выдвигает три аргумента: свидетели мадемуазель де Роган – ее служанки, которых легко подкупить; он же, в противоположность их заявлениям, никогда не переходил рамок дозволенного. Перед его отъездом в Италию Франсуаза сама просила его не предавать огласке их дружбу и не гово-

²⁰ Като-Камбрезийский мир – два договора, подписанные в 1559 году во французском городе Като-Камбрези, положившие конец Итальянским войнам. – *Примеч. пер.*

речь о свадьбе, чтобы не распугать потенциальных женихов. Наконец, Франсуаза скрыла от него беременность. И для большей убедительности Немур приводит слова в высшей степени достойных персон – королевы-матери Екатерины Медичи, престарелой Дианы де Пуатье, брата герцога де Гиза кардинала Лотарингского, сестры Генриха II Маргариты Французской, супруги герцога Савойского и близкой подруги Екатерины Медичи, коннетабля де Монморанси, который тремя годами раньше столкнулся с такой же ситуацией, когда тайный брак его сына после длительного и мучительного процесса был признан недействительным. Все эти свидетели относятся к Франсуазе недоброжелательно или, по меньшей мере, очень сдержанно.

Франсуаза, однако, располагает вескими доказательствами, в частности полученным от возлюбленного письмом из Италии, в котором он выражал беспокойство здоровьем беременной: «Я очень надеюсь увидеть вас округлившейся, потому что вот уже как минимум два месяца, как я, ваш покорный слуга, нахожусь вдали от вас. Умоляю вас, не затягивайте пояс, вам будет больно. И не пугайте меня так, как напугали, это может стать причиной моей смерти». Франсуаза подтверждает свои слова более чем десятком письмами и разными подарками, полученными от Немура. Флери Барж, портной Франсуазы, вызванный в качестве свидетеля, показал, что однажды вечером он работал очень долго и задремал на сундуке, стоявшем «между стеной и кроватью вышеупомянутой дамы, проспал до одиннадцати часов или до полуночи, был разбужен шумом сдвигаемых стульев, стоявших возле вышеупомянутой кровати, и услышал, что вышеупомянутый господин и вышеупомянутая дама занимались любовью». Портной различил, как дама обратилась к любовнику: «Говорят, что вы с господином де Гизом едете в Италию; если вы не женитесь на мне, я буду самой несчастной женщиной в мире». Тот ответил, поминая Бога: «Неужели вы, моя жена, не верите мне, разве я не муж ваш? <...> Я хочу жениться на вас, мы обвенчаемся раньше, чем вы думаете».

Раздосадованная Екатерина Медичи не церемонится с жалобницей; она привыкла пристально следить за своими фрейлинами, при необходимости прибегая к телесным наказаниям, и она не та женщина, которую могут взволновать чьи-то любовные неудачи; сама она никогда не знала любви, ее единственная страсть – это власть. Девица де Роган должна признать, что у нее всех свидетелей – горничные да портной. Да и как же можно быть такой наивной? Она «полагала, что он благородный человек». Этот ответ вызывает у Екатерины, которая видит в нем ловкую стратегию, ироническую улыбку.

В высших сферах мечтают только о том, чтобы спустить этот процесс на тормозах – надо пощадить кланы, а все эти проволочки лишь усугубляют ситуацию. В один прекрасный день прибывает рассерженный брат Франсуазы с целым отрядом вооруженных дворян. Они намерены заставить Немура жениться – или же они его убьют! Драку едва пресекли. В конце 1560-х годов атмосфера стужалась; религиозные страсти в королевстве накопились до предела, и трагические события следовали одно за другим. Умирает молодой король Франциск II; ему наследует его младший брат, десятилетний Карл IX, малолетство которого дает повод разыгаться множеству интриг и личных амбиций. В королевстве назревает гражданская война. Королева-мать, ставшая регентом, пытается проводить политику примирения, по очереди делая ставку то на Гизов, то на Бурбонов. Чтобы обезоружить короля Наваррского, она бросает ему в объятия Луизу де Руэ, одну из красоток своего эскадрона; Гизы же должны уйти из власти, их позиция ослабляется; Немур, которого ненавидят гугеноты, теряет кое-кого из своих покровителей. На этот раз вероятность того, что его принудят жениться, очень велика.

В апреле 1562 года позиция трибунала ужесточается: Немур должен в течение месяца опровергнуть показания свидетелей Франсуазы. Неожиданно несколькими неделями позже от Немура, находящегося в Бурже, приходит заявление, подписанное 11 сентября, о согласии жениться на Франсуазе и признать ее сына своим законным наследником, при условии, что она никому не расскажет об этом; 15 ноября молодая женщина должна явиться в Ланже, в противном случае обещание жениться будет аннулировано. Понятно, что он пытается выиг-

рать время. В то смутное время невозможно было за столь короткий срок прибыть в указанное место, и примирение, даже если допустить искренность просьбы о нем, состояться не могло. Суд, несмотря на кризис, разразившийся в Церкви, и давление со стороны светских властей, 4 февраля 1563 года оглашает свое первое решение: срок для обращения Немура в суд с обвинением свидетелей Франсуазы во взяточничестве истек; это первый ее маленький успех. Спустя три недели, 24 февраля, могущественный герцог де Гиз убит в Блуа выстрелом из пистолета. Кажется, судьба наконец склонилась в пользу истицы.

Война нервов

Однако ненадолго: маятник снова качнулся в другую сторону. Антуан де Бурбон убит ударом аркебузы – впрочем, политические события изрядно ослабили его власть. Гибель герцога де Гиза развязала руки Анне д'Эсте; ей тридцать три года, и она все еще очень красива, несмотря на рождение многочисленных детей; весной 1564 года, когда время траура истекло, она возвращается ко двору, и Немур, только что получивший титул герцога Женевского, что подняло его на уровень герцога Савойского, больше не скрывает желания жениться на той, которую он страстно желал на протяжении многих лет. Основное препятствие для этого, о чем ему постоянно напоминает прекрасная вдова, – обещание жениться, данное Франсуазе де Роган, которым та постоянно угрожает. Немур вновь утверждает, что может доказать продажность свидетелей, и добивается приостановки процесса.

Любви здесь давно нет, но юридическая борьба, бурная и страстная, только начинается. Делом по очереди занимаются парижский парламент, Королевский совет, Рота²¹. При поддержке королевы-матери Немур взывает к юному королю Карлу IX и добивается того, что распрю отправляют на рассмотрение архиепископу Лионскому, у которого он рассчитывает найти больше понимания и благосклонности. Карл IX сам обращается к папе с просьбой признать обещание жениться недействительным: в стране наблюдаются конфликты на религиозной почве, а Роганы – протестанты. Франсуаза, вызванная на суд 20 мая 1564 года, не желает предстать перед архиепископом, аргументируя отказ тем, что в данном случае имеет место злоупотребление властью. По ее мнению, единственный справедливый и беспристрастный суд – это парламент Парижа, который признает ее правоту и запрещает передавать дело в Лион. Но это означает, что забыта воля короля: Карл IX, введенный в заблуждение принцами Лотарингскими, в июне 1565 года на заседании Тайного совета королевскими грамотами останавливает процесс. Беззаконие налицо.

Тогда все свое влияние решает использовать Жанна д'Альбре, возмущенная и настроенная весьма решительно: речь идет о ее авторитете и, следовательно, об авторитете всей партии гугенотов; ее кузина – не просительница, обманутая страстью, но политическая жертва, представляющая могущественный клан. Для начала Жанна требует отвода одного за другим членов Тайного совета как представителей клана де Гизов, которые в довершение всего еще и плохо информированы об обстоятельствах дела и слабо знают законы. Потом она заявляет, что ребенок, Анри, которому уже девять лет, «вылитый» герцог Немурский. Жанна взбунтовалась: строгая вера, непреклонность, энергия и характер, озлобленный неудачами в супружеской жизни, а также мягкотелость ее мужа ломают ее легендарную бесстрастность; она закипает, как «базарная баба». Карла IX это совершенно не заботит. Он запрещает парижскому парламенту продолжать процесс; заниматься делом будет архиепископ Лионский и члены его суда. С этого момента исход ясен: в апреле 1566 года Франсуазе отказано в иске.

Назавтра герцог Немурский и Анна д'Эсте подписывают брачный контракт. 5 мая в замке Сен-Мор кардинал Лотарингский венчает пару. Церемония проходит с большой помпой в

²¹ Рота – высший суд католической церкви в Риме. – *Примеч. пер.*

присутствии всего королевского двора. В самый торжественный момент появляется Венсан Пети, служащий суда, который от имени Франсуазы де Роган потрясает каким-то документом и запрещает продолжать церемонию. Все присутствующие ошеломлены. Слова благословения замирают на устах кардинала, но незваного гостя тут же арестовывают и помещают в надежное место. Брачная церемония продолжается, клятвы произнесены.

Однако этим дело не кончается. Ни Франсуаза де Роган, ни Жанна д'Альбре не намерены отступать; отныне у них две цели: добиться расторжения брака Немура и заставить признать ребенка законнорожденным. Начинается война нервов. Обостряется былое соперничество между Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре, когда начинаются переговоры о помолвке их детей, Маргариты де Валуа и Генриха Наваррского. Разгневанная Жанна, униженная и злопамятная, доведена до отчаяния. Трагедия Варфоломеевской ночи (1572) не оставляет католикам и протестантам шансов на примирение. Франсуаза снова обращается к папе, потом к парламенту – без толку. Она смело продолжает именовать себя герцогиней Немурской, а отец открыто не признает ребенка, «сына девицы де Роган». Из дела начинают исчезать документы, и поговаривают, что они украдены по приказу Немура. Жанна д'Альбре распустила слух, что Немур поспешил со свадьбой, потому что Анна д'Эсте ждет ребенка.

Судьба маленького бастарда

В 1574 году Карл IX заболевает и умирает, процесс унаследовал Генрих III. Он решительно отказывает Франсуазе в удовлетворении ее иска и запрещает ей носить титул «мадам де Немур». Можно представить себе огорчение, которое испытала женщина, пятнадцать лет жизни потратившая на судебные тяжбы и побежденная правом сильного. Но и это не самое страшное. В результате судебных баталий появилась еще одна жертва: внебрачный ребенок. В семилетнем возрасте усилиями Жанны д'Альбре он был отправлен на воспитание в Женеву, где должен был благодаря «доброй и честной дисциплине наладить свою жизнь» и избежать придворных пересудов. Подростком он с жаром присоединяется к делу протестантизма. В двадцать лет он претендует на то, чтобы называться герцогом Женевским, и присваивает себе герб Немура, несмотря на то что этот последний его не признает. Неизвестно, какие чувства двигали этим молодым человеком, оболганным, отвергнутым собственным отцом: незаконнорожденный ребенок, бастард, как говорили в те времена, возлагал ли он ответственность за свою судьбу на мать?

Личность Анри – для нас загадка, но ясно, что он по-прежнему остается в центре борьбы двух кланов. В 1577 году он сражается под знаменами протестантов, попадает в плен и содержится в Ангулеме. Герцог Майеннский, верный Анне д'Эсте, ставшей герцогиней Немурской, отказывается освободить его и противится переговорам о выкупе. Франсуаза боится за жизнь сына: ее ребенок – первенец Немура и, следовательно, его наследник, и смерть молодого человека поставила бы точку в конфликте, длящемся на протяжении двадцати лет. Сознывая необходимость найти наконец решение, Генрих III и Генрих Наваррский, будущий Генрих IV, в относительно мирный момент предлагают сделку: одновременно с освобождением сына король жалует Франсуазе герцогство Лудюнуа, а также содержание ей и ее сыну; в обмен на это она должна отдать документ об обещании Немура жениться на ней.

Проконсультировавшись с советниками, девица де Роган, отныне именуемая мадам де ла Гарнаш (город в Нижнем Пуату), принимает предложение при условии, что имя Роганов и ее чистосердечие будут общепризнаны. Отдавая себя под защиту Генриха III, она соглашается не отречься от статуса супруги господина де Немура, но «развестись», как ей позволяет ее религия. Она утверждает «перед Богом и людьми, что [ее сын] Анри Савойский является ребенком герцога Немурского». Генрих III со своей стороны воздаст должное ее чести: «Постановляем,

что ее не должно порицать за то, что с ней случилось». Это было косвенное признание искренности Франсуазы.

Анри де Роган, граф Лудюна, которого реформаты продолжают называть принцем Женевским, свободен после многих месяцев плена. Но прошлое продолжает влиять на его хаотичную жизнь. Известно, что он попал в тюрьму Шатле за ссору с неким ювелиром. Поступив на службу к Генриху Наваррскому, он захватывает замок Гарнаш, где замкнуто, стараясь соблюдать политический нейтралитет, жила Франсуаза, находящаяся под защитой Генриха III. Она перебирается в Нант. Лишь после смерти герцога Немурского в 1585 году она наконец почувствовала себя свободной и имеющей право выйти замуж. Когда ей было уже за пятьдесят, она дала слово капитану-бретонцу Франсуа Лефелю, сеньору де Гебриану, стать его женой, но, по всей видимости, так никогда и не носила новой фамилии. В 1589 году она возвращается в Гарнаш, где и умирает в 1591 году; несколькими годами позже в полной неизвестности умирает ее сын. Жизнь, прошедшая понапрасну, утраченные иллюзии, несчастное невинное дитя. Франсуаза оказалась жертвой неотразимого соблазнителя и жестокой борьбы между католиками и протестантами. Она сражалась за сохранение своего достоинства и чистоты великого имени Роганов; но ей не удалось уберечь сына от падения.

Можно с уверенностью сказать, что судьба галантного кавалера Немура сложилась гораздо лучше. Его повторный брак благосклонно принят семьей герцога де Гиза, сопровождавшего Анну д'Эсте в Анси. Новая герцогиня очень предана супругу и рождает ему двоих детей. Блестящий стратег, Немур становится членом королевского совета. Но беда пришла, откуда не ждали. У него начинаются сильнейшие приступы подагры, он больше не может носить шпагу и подолгу лежит в постели. Вот как безрадостно описывает его королева Марго, супруга Генриха Наваррского: «Господин де Немур так растолстел, он стал совершенно бесформенный». Оставив дела, он удаляется в Турин, в замок Монкальери, где его жена появляется лишь эпизодически. Он производит впечатление не сломленного болезнью человека. Однако он не испытывает ни малейшего сожаления и раскаяния по поводу девушки, жизнь которой разрушил.

Немур – это воплощение придворного эпохи Возрождения: его ведет по жизни честь, честь воина, честь придворного, честь главы герцогского дома, который должен жить на широкую ногу. Но честь – это не мораль. Молодой двор Валуа – это шумное сборище довольно циничных индивидов, которые устанавливают свои собственные правила: свобода нравов, допустимая для мужчин, считается «естественным следствием слабости человеческой натуры», и защищаться от мужчин – дело девиц. Век спустя мадам де Лафайет, вдохновленная Немуром, на его основе создала образ идеального представителя знати в своем романе «Принцесса Клевская».

Сен-Симон более резко описывает несчастья мадемуазель де Роган: «Она понравилась Жаку Савойскому, герцогу Немурскому, а господин де Немур понравился ей. Он был воплощением придворной галантности и рыцарства. Он дал ей обещание жениться, чтобы воспользоваться ею. В результате появился незаконнорожденный сын. Сын, объявленный бастардом, прожил жизнь и умер в неизвестности и одиночестве в 1596 году...» Незаконная любовь порождает лишь смерть и одиночество. Согласно кодексу чести Сен-Симона, призывающего помнить об аристократических ценностях, это заслуженное наказание.

Часть вторая. Дух галантности

Изысканная речь, контроль за жестами, подавление эмоций, завуалированные комплименты: общество XVII века мобилизуется, чтобы предупредить конфликты, расшатывающие отношения между мужчинами и женщинами. Моделью для этой любовной галантности, придуманной в голубой гостиной дворца Рамбуйе, задавшей тон светскому обществу и скрывающей за игровой атмосферой интриги и ревность, может послужить «Гирлянда Юлии»²², подаренная возлюбленной «умирающим» (от любви) Шарлем де Монтозье. Но можно ли расстаться, так сказать, галантно? Существуют ли страдания, которые бы не нарушали благопристойность? Три женщины из высшего общества стали предметом пересудов, как в омут бросившись в любовное приключение, что пошатнуло их репутацию: гордая герцогиня Анна де Лонгвиль, вся посвятившая себя дипломатическим обязанностям, становится набожной янсенисткой; Луиза де Лавальер, послушная своему любовнику, который одновременно и ее король, уходит в монастырь; Сидония де Курсель отказывается выходить замуж по расчету и, слушаясь своих инстинктов, сбегает. Гордость, подчинение, бунт – вот три варианта поведения женщин, столкнувшихся с концом любви, на глазах безжалостного двора, признающего правоту мужей. Что же касается мужчин, то они в подобной ситуации ведут себя недоверчиво, безразлично или мстят через суд.

Хаос гражданских войн породил во Франции эпохи Людовика XIII и Регентства атмосферу распушенности и интриг. Многие мужчины влюбляются лишь из тщеславия, супружеская верность становится предметом насмешек, жена – не более чем способ добиться высокого положения в обществе. Представители знати женятся по расчету: граф д'Аркур предлагает руку и сердце той из родственниц кардинала Ришелье, мадемуазель де Поншато или мадемуазель дю Плесси-Шивре, на которую он укажет, говоря: «Я женюсь на вашем титуле!» Невыполненные обещания жениться, тайные браки, похищения невест, бездетные браки или браки, расторгнутые из-за импотенции, подложные доказательства несостоятельности браков: юридически оформленные разводы множатся и с шумом рушат союзы, заключенные в пылу страсти или, напротив, исключительно из соображений материального благополучия. Один из министров Людовика XIII обращается к отправившемуся с миссией в Рим кардиналу де Берюлю с просьбой подумать, «нет ли какой-нибудь возможности прекратить злоупотребления в бракоразводной сфере».

Любовь не подчиняется благородным мотивам, она не слава и не самообладание, она похожа на «опасное море», как говорила об этом мадемуазель де Сюдери в романе «Клелия», и лучше с любовью не связываться. Сдержанная мадам де Лафайет называла любовь «неудобной». Любовная страсть – это жестокий тиран, блаженство любовников опасно для общества. Брак же, осмеянный кое-кем из аристократов, – носитель новой культуры, основанной на воспитании страстей и возрастающей роли нежной интимности: во многих буржуазных домах взаимная зависимость рождает ответственность и становится общим делом, и дружба и нежность оказываются сильнее непостоянства и расставания.

²² «Гирлянда Юлии» – рукопись французских стихов XVII века, ныне хранящаяся в Национальной библиотеке Франции. В 1620–1645 годах салон мадам де Рамбуйе был местом встречи аристократов, поэтов и юристов. Один из посетителей, Шарль де Монтозье, влюбленный в Юлию д'Анженн, дочь мадам де Рамбуйе, решил сделать ей подарок и пригласил работать над этим Жоржа де Сюдери, Жедеона Таллемана де Рео, Пьера Корнелия и др. Стихи были посвящены Юлии. Текст написал каллиграфист Никола Жарри, обложку оформил Никола Робер. Каждый изображенный на ней цветок символизировал одного из поэтов. – *Примеч. пер.*

Галантность: искусство жить вместе

XVII век и придворная жизнь изобрели галантность, предназначение которой – подчинить любовь социальным нормам и пространству. Мужчины воспитываются на взаимоотношениях с дамами; искусство разговора, строгий кодекс благопристойности держат на расстоянии эмоции и создают эстетический и моральный идеал, который обеспечивает женщинам почтительное и уважительное отношение к себе, не требуя затрат душевных сил. Остроумные слова, игра, легкая насмешка, изящные письма мирно разрешают конфликты между представителями разных полов; галантность может привести к возникновению желания и эротизму в отношениях, а в других случаях оказывается вежливым средством уклониться от них, так что разрыв отношений будет лишь легким уколом кокетству или тщеславию.

На помощь любовнику, пускающемуся в плавание по «опасному морю», приходит любовное письмо, неизменный спутник галантности. Что трудно сказать, то легко написать: «Не писать писем – значит крутить любовь на манер прислуги», – шуточно говаривала мадам де Роган, дальняя родственница Франсуазы. С периода Средневековья из любовных писем составлялись сборники, в эпоху Возрождения эти сборники пользовались во Франции большим успехом. Мода на них приходит из Италии; как «Любовные письма» Джироламо Парабоско, французские сборники представляют собой резервуар тем и выражений, чтобы рассказать о «тайне своего сердца», чтобы сломить сопротивление дамы или же незаметно исчезнуть; когда чувства встречают препятствия, у влюбленного есть длинный перечень сетований, способных разжалобить любимую. Нередко письма содержат стихи, вставляются в романы, где иногда пробивают брешь в добродетели, которой фанатично требует репутация дам.

В XVII веке и вплоть до революции сборники любовных писем – настоящие учебники эпистолярного жанра. Историк Морис Дома проверил около пятнадцати дидактических сборников, написанных в конце XVI – начале XVIII века и адресованных буржуазной публике, стремящейся подражать царедворцам: «Пособие для любовников», «Книга для дам», «Словник для пишущих письма» и т. п. Роли закреплены раз и навсегда: мужчины должны быть предприимчивыми, женщинам надлежит сопротивляться. Приглашения и ответы на них следуют одно за другим. В некоторых «учебных пособиях» материал излагается в алфавитном порядке: *absence* (отсутствие), *adieux* (прощание), *faute* (ошибка, вина), *feintise* (обман) и т. п., неоднородно – роль женщины проработана слабо, подчеркивается ее пассивность и необходимость беречь ее от безудержных страстей и ложных влюбленностей; женщину книги учат избегать признаний в любви и не принимать ничьих ухаживаний. Разрыв отношений стоит в конце списка, и статья на эту тему касается только мужчин, только они получают инструкции, как надо расставаться: «Как расстаться с любовницей, как ставить ей в упрек замужество, как перестать быть любовником и остаться другом».

Эти учебные пособия не меняются вплоть до XIX века, однако стиль любовных писем оттачивается. В последней трети XVII века они становятся более личными: теперь мы видим письма, написанные женщинами, которые с волнующей прямоотой говорят о расставании как о трагическом финале любовных отношений. Мораль, правила композиции письма никуда не исчезли, но видно, что написаны они искренне; Анна Ферран переписывает письма, которые адресует своему любовнику маркизу де Бретейлю, немного позднее, в 1691 году, эти письма будут опубликованы; родившись «с самым чувствительным и самым нежным из созданных любовью сердец», она не питает иллюзий и знает, что близится расставание: «Приношу вам в жертву свой покой и репутацию, до безумия любя человека, который, как мне кажется, едва любит меня». Именно в ту эпоху, в 1680 году, Бюсси Рабютен, а вслед за ним Жак Аллюис очень вольно переводят письма Элоизы и Абеляра.

Несмотря на требуемую галантностью симметрию, если забыть об эфемерных преимуществах слабого пола в деле соблазнения, приходится признать, что любовный пожар разгорается не между равными. Галантность – это маска, за которой скрывается лицемерие, в некотором роде – спасительное перемирие полов. Искусство любви заменяет любовь как таковую. В конечном счете, такое общение – всего лишь «фантики», обман, первыми жертвами которого становятся женщины; некоторые из них, стремясь к искренности, пишут мемуары, что прежде считалось прерогативой мужчин; Гортензия Манчини, Мария Манчини, Сидония де Курсель и другие желают быть хозяйками своей жизни и в несчастливом супружестве винят подавляющее доминирование мужей. Писание мемуаров для них – счастье быть собой.

Возобновляемый брак

Придворные не особенно обременяют себя любовью, которая дорого бы им далась, и, как правило, довольствуются развлечением. При дворе все является театральным представлением, даже горе и слезы: Ларошфуко полагает, что люди «плачут, чтобы иметь репутацию нежного человека». Но молодые люди, и Ларошфуко в их числе, воспринимают свои первые любовные волнения всерьез и по-своему участвуют в эволюции эмоциональных норм. В 1658 году, когда Людовику XIV было двадцать лет, он безумно влюбился в Марию Манчини, племянницу кардинала Мазарини. Рядом с барышней он учится галантности; с ней он постигает красоту рыцарских романов; их любовь, взращенная на книгах о героических приключениях, могла бы завершиться свадьбой, как это бывает в волшебных сказках, если бы Мазарини и королева-мать не напомнили королю о его долге: полный горечи, Людовик отправляется в Испанию, чтобы жениться на испанской инфанте. Несмотря на нежные письма, разлука влюбленных омыта слезами; говорят, что душераздирающая сцена прощания из трагедии Расина «Береника» написана под воздействием слов покинутой Марии: «Сир, вы король, вы плачете, и я уйду».

Против лицемерия нравов и светских скандалов восстают альковы, где царствуют женщины. После Фронды в словесные баталии проникают тонкости любовной психологии. Жеманницам хочется «дебрутализировать любовь» и добиться свободы, которой постоянно угрожает сила эмоций, в том числе их собственные желания; с этой целью они изобретают препятствия или испытания. Их мишенями становится неволя супружеской любви и цинизм мужчин. В своем длинном романе с ключом²³ «Жеманница, или Альковная тайна» (1658) аббат де Пюр описывает некоторые идеи, выдвинутые жеманницами для борьбы с порабощением женщин. Самые отважные предлагают «арендный» брак: каждый год его можно будет продлевать: «Если ожидание окажется обмануто ошибочными чувствами, пресыщенностью или странностью вкуса, по истечении года никто никого не принуждает, оба возвращают друг другу данные обещания и, получив свободу, могут искать счастья где-нибудь в другом, более приятном месте». Арисия считает нужным ограничить длительность брака рождением первого ребенка, Софронисбея предлагает пробный брак, с запасом времени на то, чтобы понравиться друг другу или же расстаться друзьями при первых признаках охлаждения отношений. Подобные оговоренные заранее расставания помогут браку стать безвредной связью без последствий.

У жеманниц есть своя любовная этика. Они не впускают в свои альковы ни ложных скромников, ни вольнодумцев, ни кокеток; они требуют, чтобы женщины имели возможность приобретать знания, которые помогут им избежать любовных страданий. Их цель – это любовь чистая, над которой не властно время. Мадемуазель де Сюдери хочет удержать любовника, не теряя при этом независимости. «Карта Страны Нежности», которую она вставила в роман

²³ Романы с ключом – романы, популярные в Испании и Франции в XVI–XVII веках: в условных персонажах этих романов были зашифрованы реальные лица, как правило придворные. «Ключом» называлось приложение к роману – список с расшифровкой действующих лиц. В XX веке жанр пережил новое рождение. – *Примеч. пер.*

«Клелія» (1653), предлагает, чтобы узы не разрывались, принять новую манеру любить, невозможную без воспитания чувств как мужчин, так и женщин. Ее требования не имеют границ: «Я хочу любовника, а не мужа, любовника, который, довольствуясь обладанием моим сердцем, будет любить меня до самой смерти» («Кир Великий»²⁴). Сексуальность не отрицается, но «интимные знаки любви» раздаются в тайне и в молчании. Жеманница хочет быть любимой «душой и телом»; в противном случае «любовь скоро обернется безразличием, а безразличие – ненавистью и презрением», и дело кончится разрывом; жеманнице нужна любовь серьезная, галантная и уважительная.

Их противники-мужчины немедленно увидели в воле жеманниц к независимости прямую дорогу к разврату и атеизму, опасность для семьи, угрозу мужественности, а также стратегические планы на отказ мужчинам в сексе. Домыслы? Представительницы прециозной литературы в массе своей имеют буржуазное происхождение и, не выделяясь чем-то особенным по рождению, гордятся своей речью и образованием, как другие – фамильным гербом; они мечтают создать контракт между полами на основе искренности, стоит только лучшим из них добиться торжества нравственной добродетели. При этом, желая изменить мир, они не смогли избежать кривляния и наигранного, неестественного языка, что их дискредитировало, а некоторых сделало смешными.

Насмешка

Героическую и рыцарскую модель сменяет образ искушенной разочарованности в любовных неудачах. Эрос – это не какой-то галантный пакт, возникший в разреженном воздухе салонов; иррациональный, по словам Лабрюйера²⁵, он «рождается внезапно, без размышлений, благодаря темпераменту или слабости», и «люди не в большей мере в состоянии продолжать любить, чем были в состоянии не любить». Жизненный опыт и литературное творчество женщин в XVII веке отмечают крах старого придворного идеала: женский роман показывает развитие человеческих страстей вплоть до развязки. Ведя домашний образ жизни и не имея других приключений, кроме любви, соблюдая все правила благопристойности, они с блеском исследуют неизвестные глубины своей души. Лабрюйер отмечает их особенную чувствительность: «Мужчина устраивает сцену разлюбившей его женщине; безутешная покинутая женщина ведет себя тише».

Любовь именно такова, какой ее считают, – она опасна. В последней трети XVII века появляются две категории критиков, которые лишают любовь ее магической власти: одни – при помощи насмешки, другие – отрицанием. Мадам де Вильдьё, чтобы разрушить иллюзии, в своих произведениях пародирует героическую любовь; мадам де Лафайет, сохраняя наследие деликатной прециозности в виде кодов благопристойности, показывает любовный крах. Обе они знают, что любовь кончается плохо, при этом первая выбирает не принимать ее всерьез и смеяться над ней, вторая предпочитает вовсе отказаться от любви из боязни ее яда.

Бросая вызов правилам и шокирующе шутя, мадемуазель Дежарден, более известная под именем мадам де Вильдьё, бесстыдным сонетом под названием «Наслаждение» вызвала скандал в салонах: «Сегодня, дорогой Тирсис, твой любовный пыл / Безнаказанно побеждает мою чистоту...» (1658). Ей двадцать шесть лет, она пишет пьесы для театра; ее добродетель не бескомпромиссна, и «дорогой Тирсис» – это господин де Вильдьё, который пообещал на ней жениться и публично объявил об этом... но тем и ограничился. Тем не менее молодая женщина

²⁴ «Кир Великий» – роман с ключом Жоржа и Мадлен де Скюдери, написанный и опубликованный между 1649 и 1653 годами. Это самый длинный из романов, когда-либо написанных по-французски (13 095 страниц и 2 100 000 слов в оригинальном издании). Роман никогда не переиздавался по причине своего немыслимого объема. Образы некоторых персонажей навеяны романтическим миром Фронды. – *Примеч. пер.*

²⁵ Жан де Лабрюйер (1645–1696) – французский писатель-моралист. – *Примеч. пер.*

стала подписывать свои произведения «Катрин де Вильдье» и, похоже, смирилась с разрывом отношений: «Когда возникает желание сменить любовника или любовницу, / Об этом говорят в течение месяца, / Потом меняют / Без обвинений в ошибке или слабости». Слезы – это не для нее.

Мстить она начнет позже, в шутовском псевдоавтобиографическом романе, полном подлинных фактов и смачного сарказма. Роман называется «Мемуары Анриетты-Сильви де Мольер», шесть его частей были опубликованы в 1671–1674 годах. В предисловии автор пишет, что это не роман, а фрагменты мемуаров, а неверный любовник, оказавшийся несостоятельным в первую брачную ночь, очень похож на грустного господина де Вильдье. Героиня выворачивает наизнанку штампы из героических романов: любовники-мужчины в романе нерешительные, трусливые, тщеславные, неверные; они боятся рисковать и падают в обморок от волнения; зато женщины сохраняют хладнокровие; именно они выступают инициаторами расставания. Анриетта-Сильви – незаконнорожденный ребенок; двусмысленность, которая сквозит во всем повествовании, начинается с подозрения, брошенного на ее предполагаемых благодетелей, на сомнительную роль аббатисы монастыря, в котором она скрывается, на ее собственный характер, когда она переодевается в мужскую одежду и начинает себя вести как мужчина, и, шире, – на поведение влюбленных воздыхателей. Любовь – всего лишь комедия: так, например, в знаменитой сцене пародируется библия рыцарских романов «Амадис Галльский». Когда Анриетта-Сильви на охоте ранит своего приемного отца, господина де Мольера, который попытался лишить ее невинности, прибежавшая на звук выстрела супруга прижимает умирающего к груди, и непонятно, отчего он умер – от выстрела или от объятий мадам де Мольер, что это было – избыток любви или убийство. Этот эпизод вызывает в памяти героя романа «Амадис Галльский», обнаружившего лежащего на земле раненого рыцаря, стонущего от боли; на нем лежала женщина, которая «давила на него так сильно, что у него чуть не остановилось сердце».

Три новеллы из «Любовного беспорядка» (*Désordre de l'amour*), еще одного нашумевшего и не менее непочтительного произведения, добавляют перца к человеческой комедии, которая выходит из-под пера мадам де Вильдье. Любовь, лежащая в основе всех страстей, порождает лишь зависть, ссоры, недоразумения и разочарования. Мадам де Можирон, вдова, влюблена в Живри, но Живри ее больше не любит, потому что воспылил страстью к мадемуазель де Гиз. Трогательные жалобы мадам де Можирон оказываются неэффективными, и мадам де Вильдье иронизирует: «Мадам де Можирон поклялась Живри, что будет любить его до конца жизни, и честно сдержала свою угрозу». Все ценности извращены, любовь создает помехи, а верность смешна. Хуже, чем страдания от грубого разрыва отношений, только томность постепенно умирающей бедной женщины.

Страх любви

Пессимистический взгляд на человеческую природу, пропитанный янсенизмом, в ходе XVII века уничтожил притязание на возможность любви и счастья в тщеславном и амбициозном мире. Страсть приобретает расиновский акцент: благодаря сдержанности и чистоте своего языка Расин добивается того, что легкомысленный двор начинает верить в жестокость любви, порывающей с героизмом и благородными ценностями; хрупкие идиллии гибнут под натиском ненависти и ревности. Мужские желания не идут дальше наслаждения и обладания; страсть – это болезнь, в которой проявляется несостоятельность мужчины. Желание не сопротивляется обладанию, и удовлетворенные чувства могут трансформироваться в отвращение. «Наслаждение убило любовь», – без обиняков заявляет один из персонажей нравоучительного романа Робера Шалю «Знаменитые француженки». Аскеза и воздержание – не лучше, они выявляют хитросплетения собственного ненавистного самолюбия и гордости. «Человеческая жизнь – не

что иное, как вечная иллюзия», – заявляет Паскаль, и настоятельная потребность новизны – составная часть человеческой природы.

Отметим занятное, но значимое совпадение нарастающей недооценки трагического элемента в любви. Две романистки с разницей в несколько лет в своих романах касаются одной и той же темы: мадам де Вильдьё в романе «Любовный беспорядок» (1675) и мадам де Лафайет – в «Принцессе Клевской» (1678). Мадам де Вильдьё описывает деликатность чувств: маркиз де Терм женился на добродетельной девушке, «которую не видел до помолвки», но, несмотря на все его усилия сделать ее счастливой, молодая жена начинает чахнуть; озабоченный маркиз спрашивает, в чем причина ее грусти; она без смущения признается, что любит племянника маркиза и что ей не удастся забыть его. Супруги начинают состязаться в верности и великодушии, но в конце концов муж элегантно освобождает дорогу племяннику, погибая на войне; однако интриги, клевета, давление извне мешают молодой вдове выйти замуж за любимого. Несколькими годами позже мадам де Лафайет использует тот же сюжет: принцесса Клевская признается супругу в том, что любит герцога Немура, который за ней ухаживает; став свободной после смерти мужа, она тем не менее отказывается от своей страсти и уходит в монастырь. Несмотря на то что истории заканчиваются схожим образом, причины разрыва отношений различны: в романе мадам де Вильдьё препятствия создает общество; у мадам де Лафайет они возникают из внутреннего сопротивления, связанного не столько с добродетелью, сколько со страхом любви.

Рамка галантного романа для мадам де Лафайет – повод разобраться в том, «что движет сердцем». Героиня догадывается, что однажды Немур будет считать ее одним из своих «трофеев» и что любовник проявляет пыл только потому, что она его выпроваживает: «Полагаю, что ваше постоянство вызвано количеством препятствий», – бросает она ему в лицо. Рассудок заставляет ее бояться бед, причиняемых ревностью и привычкой: «У вас было много любовниц, будут и еще; вы потеряли бы ко мне интерес, и я стала бы видеть вас с другими дамами таким, каким вы поначалу были со мной». Она горда, поэтому ускользает от Немура и приносит себя в жертву «призрачному долгу»; монастырь, куда она удалилась, защитит ее одновременно от оскорбления и от страданий.

Под видом взаимности любовь всегда стремится к доминированию над партнером, и мадам де Лафайет это прекрасно понимает. Немур, который тайно следит за принцессой Клевской, с удовольствием замечает на ее лице смятение, вызванное страстью. Еще более лукавую радость романистка описывает в книге «Заида», когда герой романа Альфонс обнаруживает «замешательство и волнение», возникшие под влиянием страсти в сердце Белазира, пораженной тем, что она «больше не владеет собой». За благопристойными словами скрывается жестокость. Мадам де Лафайет под влиянием янсенизма не доверяет человеческой природе, возможно, как предполагает Франсуа Жюльен в работе «Об интимности» (De l'intime, 2013), «потому что сама она не верит, что страсть может во что-то перерасти». Страсти она предпочитает покой и самоуважение, эти утонченные формы самолюбия. Так было в ее жизни: никаких разводов, никаких споров между супругами, никакой любовной драмы; в ее доме господствовал разум.

Разрыв отношений как опустошенность

Человеческое сердце – это поле битвы. У женщин душевная сила и постоянство чувств эквивалентны мужскому делу чести, а отречение возлюбленного и отчаяние воспаляют страсть. О революции, произошедшей в сфере чувств, свидетельствует короткий рассказ, написанный в форме подлинных писем. Опубликованные в 1669 году анонимные «Португальские письма» имели большой успех; между 1669 и 1675 годами их переиздавали раз двадцать, их читали в Голландии и в 1667 году перевели на английский. Читателей потрясла история

Марианы, соблазненной и покинутой монахини. Сегодня большинство литературных критиков склоняется к мысли, что речь идет о литературной мистификации, что автор «Писем» – Габриэль-Жозеф Гийераг, дворянин, боявшийся навредить карьере, издав текст под своим именем. Очевидно, что это произведение создано в придворных кругах, но оно полно драматизма и своей новизной произвело на публику огромное впечатление.

Оценивая силу этих пяти португальских писем, французский историк литературы Раймон Лебег пишет, что современники Гийерага не были высокого мнения о композиции произведения, но с огромным сочувствием отнеслись к страданиям Марианы: любовник, французский офицер на службе в Португалии, безжалостно покидает любовницу после нескольких месяцев любовной связи; вернувшись во Францию, он забывает все свои обещания. Преданная, одинокая, брошенная на произвол судьбы, Мариана потеряла все – любовь, веру, здоровье; она теряет даже собственное достоинство, обращаясь к любовнику с мольбами, на которые он не отвечает. Она принесла в жертву свою жизнь, и это ее оправдывает: «Я должна потерять жизнь ради вас, потому что я не могу сохранить ее для вас...» «Я предпочитаю страдать, но не забывать вас». Мариана знает, что он недостоин ее, что история их любви в общем-то банальна, и то, что она это сознает, придает всему трагизма: «Я поняла, что вы мне менее дороги, чем моя страсть к вам». Это любовь абсолютная, нарциссическая любовь-гордыня, в которой личность возлюбленного не имеет значения, в которой нет прощального письма, ставящего точку в этих отношениях. Опустошенная Мариана остается наедине со своим смертельным отчаянием. Любовь – это всего лишь иллюзия, реальны только муки расставания.

Мы видим, что отныне конфликт существует не между любовью и честью, не между любовью и достоинством, но между любовью и счастьем. Если иррациональный характер страсти делает ее безответственной и неумолимо ведет к разрыву, то любовь все же может стать счастливой, но только если будет построена по законам дружбы. Появляется новое видение брака: он теперь освещен «любовью к ближнему», конфликты не ведут к изменам и расставанию, но разрешаются на основе взаимных обязательств: люди еще не женятся по любви, но женятся, чтобы любить друг друга. Со времен святого Франциска Сальского²⁶ идеал супружеской привязанности возвращается в проповедях священников и пасторов. Браки по принуждению запрещены; ночь любви помогает забыть ссоры – разногласия «заканчиваются удовольствием и удваивают нежность» (Жак Шоссе, «Трактат об идеальном браке и о способах быть счастливым», 1685). Новое время создает новые пары – честные, набожные, буржуазные, умиротворенные, в ожидании воздаяния на небесах верящие в возможность счастья на земле. Не любовь земная, не любовь небесная, а нежность, соблюдение приличий и уважение становятся ключом к супружескому согласию, способным предотвратить расставание.

²⁶ Франциск Сальский (1567–1622) – католический святой. Знаменит своими трудами о духовной жизни, особую известность имеет книга «Введение в благочестивую жизнь» («Руководство к благочестивой жизни»). В 1923 году папа Пий XI провозгласил его покровителем писателей и журналистов. – *Примеч. пер.*

ГЕРЦОГ ДЕ ЛАРОШФУКО И ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОНГВИЛЬ ЛЮБОВНАЯ ОБИДА

Иные люди только потому и влюбляются, что они слышаны о любви²⁷.

Ларошфуко. Максимы

Что же до Ларошфуко, он как ребенок возвращался в Вертей, где с таким удовольствием охотился; я не говорю «где он был влюблен», потому что не думаю, что он когда-либо был, что называется, влюблен.

Письмо мадам де Севинье. 7 октября 1676 года

Кто кого покинул? Была ли их связь искренней? Сфера чувств хранит в себе много тайн и так запутанна, что подчас невозможно определить меру любви и обиды.

Франсуа де Марсийак, герцог де Ларошфуко, и Анна Женестье де Лонгвиль много значат друг для друга, они оба галантны и честолюбивы. Оба полагают, что происхождение обязывает их прожить страстную жизнь. Их юность заканчивается, когда начинается смутное время регентства Анны Австрийской: тогда не существовало никаких препятствий и возможны были любые приключения. Свидетелей их связи, а позже расставания предостаточно, и в зависимости от выбранной стороны конфликта они либо курят фимиам, либо злословят. Сам Ларошфуко, остро реагирующий на чужое самолюбие, к своему поведению относится снисходительно и в «Мемуарах» приглушает описание своих сердечных дел. «Ему стоило взглянуть на себя со стороны», – пишет о нем кардинал де Рец. Что же до Анны Женестье, после долгих перипетий и разочарований ставшей набожной, она смиренно признавала свои слабости и желание привлекать к себе внимание: «Внимания и уважения мужчин я добивалась праведной внешностью», – писала она на склоне лет своей любимой подруге мадам де Сабле.

Эти откровения не многое сообщают о реальных чувствах. Модный жанр литературного портрета очень изощрен, но остается галантной практикой. Что же касается «Мемуаров», созданных значительно позже описываемых событий, то автор к ним возвращается, подправляет и местами сглаживает. За изяществом, вышедшим из дворца Рамбуйе и других салонов, скрываются презрение и ненависть. Герои Фронды читают «Астрею» Оноре д'Юрфе и мечтают о славе. Прикрываясь благородными принципами, они пользуются слабостью регентства для защиты своих феодальных интересов от королевской власти, решительно настроенной править от имени всех. Жестокость и неповиновение, обузданные Ришелье, возрождаются в период между 1647 и 1652 годами, в непонятной смеси интриг и экзальтации, успехов и скрипок, в эпоху, когда женщины, прекрасные жеманницы и надменные амазонки, желали, чтобы ими любовались. Деятели Фронды с удвоенным рвением борются за дело чести, дерутся на дуэлях, соперничают друг с другом, облачившись в одежды галантности.

За право табурета²⁸

Франсуа де Марсийак, сын герцога де Ларошфуко, родился в 1613 году. Его семья, одна из самых высородных во Франции, владеет обширными территориями в Пуату и Ангумуа. Отец женил сына, когда тому было пятнадцать лет, на девице Андре де Вивон, с которой у них

²⁷ Здесь и далее «Максимы» Ларошфуко даются в переводе Э. Линецкой.

²⁸ Право табурета – разрешение для некоторых придворных дам сидеть в присутствии монарха. – Примеч. пер.

будет семеро детей. Совсем юным он отправляется в армию: война – удел отпрысков благородных семейств. Он горд, самолюбив, очень храбр. Его застенчивость нравится женщинам; он вступает в отношения с мадемуазель де Отфор, одной из камеристок королевы, в которую платонически влюблен король Людовик XIII. Беды несчастной Анны Австрийской, заподозренной в тайных связях с Испанией, трогают его благородное сердце, но преданность королеве обернулась для него враждебностью Людовика XIII и недоверием кардинала Ришелье.

В 1635 году Ларошфуко добровольцем отправляется сражаться с испанцами во Фландрию; по возвращении он получает приказ отправиться к себе в имение. Похоже, он впал в немилость. Он мечтает о подвигах; тут как раз королева и мадемуазель де Отфор просят его похитить их, чтобы им обоим избежать мести Ришелье; план безрассудный и очень опасный, а молодому человеку свойственна скорее лихость, чем благоразумие. Похищение не состоится; верный рыцарь двадцати четырех лет от роду ограничится устройством побега в Испанию герцогини де Шеврез, подруги королевы. Однако дело было быстро раскрыто; виновный после недельного пребывания в Бастилии отправлен в свое родное Пуату. Став против воли сельским дворянином, Франсуа в нетерпении два года ждет момента, когда в 1639 году сможет отправиться в армию. В 1642 году умирает Ришелье, в 1643-м – король; Ларошфуко наконец свободен. Он верит, что близок час, когда слуги королевы будут вознаграждены. Как и все молодые аристократы того времени, он тщеславен и самолюбив и мечтает о величии.

Марсийак возлагает большие надежды на регентство. Ему дают кое-какие почетные поручения; Анна Австрийская не скупится на обещания, и у нее приятные манеры. В действительности же он получает мизерную благосклонность – разрешение купить пост губернатора Пуату. Прочие феодалы, которые возвращаются из ссылки или из тюрьмы, так же впустую, как и он, ждут компенсации за преданность королеве; в конце концов, разочарованные, вознагражденные лишь лестью, они начинают интриговать против Мазарини, ставшего главой Регентского совета, и критиковать все действия правительства; за важность их называют Высокомерными. Марсийак одобряет их действия, но не вступает в их ряды. Два года, проведенные при дворе, с 1644-го по 1646-й, не приносят ему ни должностей, ни военных чинов, ни удовольствий, и он вынужден признать, что живет «очень скучно» среди ничуть не умиротворенных посредственностей.

Называет Фронда, а монархические институты еще недостаточно сильны, чтобы сдерживать мятежный дух. Двор разделяется на сторонников герцогов Вандомских и принцев Конде. Марсийак, поначалу лояльный к королеве, восстает. Он вбил себе в голову, что ему нужны те же привилегии, какие есть у представителей других знатных домов – принцев крови, пэров королевства и крупных феодалов: требует права табурета для своей жены, принцессы де Марсийак, и разрешения въезжать во двор Лувра в карете! Это серьезная заявка: этикет призван подчеркивать иерархию среди аристократов, и право табурета жестко регламентируется. Конечно, в 1622 году представителям дома Ларошфуко было пожаловано герцогство-пэрство, но Марсийаку хотелось получить королевскую грамоту герцога как можно скорее, не дожидаясь смерти отца. Почести Лувра уже были пожалованы Роганам, Ла Тремулям и Бульонам, так почему же не ему? Сен-Симон во всех этих проявлениях уязвленных чувств видел то, что Ларошфуко «не смог спокойно отнестись к тому, что господам Бульонским был пожалован ранг принцев. Он полагал, что дом Ларошфуко не хуже, и был прав».

У Мазарини, главы Регентского совета, существует целый штат шпионов-информаторов; он знает о симпатиях молодого человека к заговору Высокомерных, но не видит в нем опасности и не отвечает на его требования. Марсийак со своей стороны не скрывает разочарования; от злобы он переходит к враждебности, несколькими месяцами позже решительно примыкает к лагерю фрондеров и бросается в объятия герцогини де Лонгвиль; он пишет об этом предельно ясно в «Мемуарах»: «Вынужденная праздность и такое множество неприятностей в конце концов породили во мне мысли иного рода и заставили искать опасных путей для того,

чтобы выказать королеве и кардиналу свою досаду. Красота госпожи де Лонгвиль, ее ум, исходящее от нее обаяние влекли к ней всякого, кто мог надеяться, что она соблаговолит терпеть его подле себя»²⁹. Включаясь во Фронду, Марсийак как следует оценил ситуацию: он хочет войти в клан могущественных Конде, чтобы получить вожаемое право табулета.

Прекрасные глаза Анны Женеьевы

Анна Женеьева, герцогиня де Лонгвиль, – дочь Генриха де Бурбона-Конде, первого принца крови, и Шарлотты де Монморанси. Все современники отмечают ее необыкновенную красоту: длинные золотистые волосы, бирюзовые глаза, нежный цвет лица и очаровательную улыбку; оспа, которую она перенесла в год замужества, не нанесла урона ее блеску. Одни называли ее ангелом, другие – дьяволицей. Мадам де Мотвиль, компаньонка королевы, признает, что ее «невозможно не любить». В 1642 году, в возрасте двадцати трех лет, она выходит замуж за Генриха Орлеанского, герцога де Лонгвиля, который старше ее на двадцать четыре года; он овдовел в 1637 году, у него была дочь-подросток по имени Мария; его семья, именитые потомки узаконенных принцев, в иерархии идет следом за принцами крови, которым они должны уступать дорогу; молодая герцогиня озабочена тем, чтобы получить специальную грамоту короля, позволяющую ей после замужества сохранить за собой титул принцессы крови. У Анны Женеьевы два брата: Людовик Энгиенский, герой Рокруа (1643), который после смерти отца в 1646 году станет принцем Конде, и хрупкий Арман, принц де Конти, которому предстояло стать священником. Оба брата ее нежно любят, а младший так просто обожает – злые языки поговаривают, что отношения брата и сестры кажутся подозрительными.

За воспитанием Анны Женеьевы тщательно следят. Принцесса Конде, ее мать, обучает дочь правилам светского общества. К тому же она благотворительница монастыря кармелиток в предместье Сен-Жак, где у нее есть частные апартаменты и куда она часто навещается. Анна Женеьева сопровождает мать; в это смутное время монастырь кажется убежищем для нежного тринадцатилетнего сердца. Уход в монастырь нередко представляется придворным дамам и девицам интересным: кухня юного Людовика XIV, мадемуазель де Монпансье³⁰, которая была на несколько лет моложе Анны Женеьевы, в течение недели полагала, что монастырь кармелиток – это ее призвание, и так хотела уйти от света, что потеряла сон. Анна Женеьева присутствует на церковных службах, иногда подолгу остается в монастыре и ведет доверительные беседы с монахинями; она нуждается в чем-то возвышенном, она набожна и в то же время опасно горда.

В пятнадцать лет характер еще не закален. 18 февраля 1635 года девушка приглашена в Лувр участвовать в придворном балете, в котором должна появиться королева в окружении герцогинь. Девушка встревожена, она предпочла бы обойтись без этой чести и остаться в монастыре, однако госпожа принцесса повелевает дочери согласиться. Кармелитки велели ей быть настороже; под бальный наряд ей пришлось надеть нечто вроде жесткой шершавой власяницы. Но позвольте, она очаровательна в своем парадном платье, и как можно отказаться от того, чтобы блистать, как можно строить из себя буку, когда перед вами склоняются такие изысканные персоны?

Мадемуазель де Бурбон выходит в свет против воли, но быстро приживается там. Отныне она появляется при дворе, в Фонтенбло, в Шантийи, в салонах, во дворце Рамбуйе, где оттачивается ее ум и литературный вкус: там она встречает мадам де Сабле, и они становятся подругами на всю жизнь. В доме маркизы де Рамбуйе все дышит изяществом и галантностью; в ее

²⁹ Здесь и далее «Мемуары» Ф. де Ларошфуко цитируются в переводе А. Бобовича.

³⁰ Анна Мария Луиза Орлеанская (1627–1693) – французская принцесса королевской крови, герцогиня де Монпансье. Также известна как «Великая Мадемуазель», активная участница Фронды, автор известных «Мемуаров».

салоне читают романы и обсуждают отношения между полами. Анна Женестьева не может не замечать восторга, который вызывает у своих обожателей, она учится кокетству и остроумию и позволяет любить себя. Она замечает и то, что ее муж, герцог де Лонгвиль, и после свадьбы продолжает ухаживать за красавицей герцогиней де Монбазон, несмотря на протесты со стороны госпожи принцессы, своей тещи. Но любовь не является составной частью брака, хороший вкус, элегантность противопоставляются домашней жизни. Она – принцесса крови и знает это; она отдает себе отчет в своей красоте и купается в лучах славы брата, будущего принца Конде; она оказывается в центре светской жизни.

Это изысканное и изящное общество, однако, беспощадно; не прекращаются ревность, злословие. Мадам де Лонгвиль слишком хороша, чтобы вокруг нее не плелись интриги. В аристократических кругах царят свободные нравы; Анне Женестьеве приписывают любовников; по правде говоря, многие из ее воздыхателей в первую очередь стремятся приблизиться к «всемогущему Конде» и всему этому высокопоставленному семейству. Малейшая интрижка, случайный вздох могут привести к дуэли. Так, много шума наделал подробный рассказ мадемуазель де Монпансье: заболевшая и остававшаяся у себя в спальне мадам де Монбазон обнаружила на полу два любовных письма, «речь шла о мадам де Лонгвиль и Морисе де Колиньи». Она, издеваясь, изложила компрометирующее содержание писем нескольким друзьям. Узнав об оскорблении, нанесенном ее дочери и всему дому Конде, госпожа принцесса потребовала сатисфакции; королева настояла, чтобы виновница извинилась, но мадам де Монбазон, принадлежавшая к «заговору Высокомерных», заартачилась. Что же, альковная драма? Вмешался принц де Марсийак и попытался убедить мадам де Монбазон, что в ее интересах показать себя готовой к примирению, пока дело не получило огласку. Изучение почерка выявило подделку; речь шла о мадам де Фукроль и об одном «добропорядочном господине» (маркизе де Молеврие). Марсийак, которому были переданы письма, сжег их в присутствии королевы. Можно было бы на этом и остановиться, потому что господин де Лонгвиль хочет пощадить герцогиню де Монбазон и только что родившая Анна Женестьева тоже не настаивает. Уязвленную госпожу принцессу это не устраивает, и по ее настоянию королева запрещает мадам де Монбазон когда-либо попадаться принцессе на глаза. Следствием этой истории стал роспуск в сентябре 1643 года партии Высокомерных; ее глава, герцог де Бофор, препровожден в Венсенский замок. Марсийак сделал правильный выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.